

HAL
open science

Престижное оружие, конское снаряжение и воинский убор эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском

Michel Kazanski, Anna V Mastykova

► To cite this version:

Michel Kazanski, Anna V Mastykova. Престижное оружие, конское снаряжение и воинский убор эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском. Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии, 2023, 28, pp.161-217. <10.29039/2413-189X.2023.28.161-217>. <hal-04358292>

HAL Id: hal-04358292

<https://hal.science/hal-04358292v1>

Submitted on 21 Dec 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Public Domain

DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-189X.2023.28.161-217>

ПРЕСТИЖНОЕ ОРУЖИЕ, КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И ВОИНСКИЙ УБОР ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ

Михаил Михайлович Казанский

*Национальный центр научных исследований (CNRS),
лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье», Париж, Франция
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
michel.kazanski53@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0306-0936>*

Анна Владимировна Мастыкова

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
amastykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7521-5071>*

Аннотация. Общеизвестна знаковая роль престижного оружия, конского убора и «воинского» костюма, как показателей социального уровня его владельцев. Предметы «парадной» воинской и конской экипировки, кроме того, являются надежными индикаторами культурных связей и военно-политической ориентации правящих элит в древних социумах. Престижное оружие изготовлялось на заказ или же поступало как военная добыча. Кроме того, «парадное» вооружение и конское снаряжение входили в состав дипломатических даров, а также использовались во время символической инвеституры варварских «царей». В данной работе рассмотрены находки с территории Боспора Киммерийского эпохи Великого переселения народов, т.е. гуннского времени (последняя треть IV – вторая треть V в.) и постгуннского времени (вторая треть V – вторая треть VI в.): мечи, скрамасаксы, шлемы, щиты, конский убор, элементы «воинского» костюма. Они находят параллели как в Империи, так и в Барбарикуме. При этом, в уборе отсутствуют такие знаковые предметы как Т-образные фибулы высших римских функционеров и варварские «королевские» золотые браслеты с расширенными концами. В целом, на Боспоре Киммерийском в воинской аристократической культуре эпохи Великого переселения народов прослеживаются две традиции, связанные с великими державами древности – римско-византийская и иранская, причем первая по количеству находок доминирует. Сфера военно-политического влияния Восточной Римской империи в понто-кавказских степях распространялась очень далеко, вплоть до территории гуннов-савир, населявших Северо-Восточный Кавказ. В то же время, политическое и, соответственно, военное влияние сасанидского Ирана засвидетельствовано письменными источниками, в первую очередь для Кавказа, где оно подтверждается и яркими находками престижного вооружения. Таким образом, Боспор Киммерийский оказался на перекрестке эти двух воинских традиций великих держав древности.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Великое переселение народов, престижное вооружение, конское снаряжение, воинский костюм

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

PRESTIGIOUS WEAPONS, HORSE TACK, AND WARRIOR'S ATTIRE FROM THE GREAT MIGRATION PERIOD IN CIMMERIAN BOSPOROS

Michel Kazanski

*National Centre for Scientific Research (CNRS), UMR-8167 "Orient et Méditerranée," Paris, France
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
e-mail: michel.kazanski53@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0306-0936>*

Anna V. Mastykova

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
amastykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7521-5071>*

Abstract. The symbolic role of prestigious weapons, horse tack, and “military” costume as the owner’s social level marker is well known. Moreover, the artefacts of “ceremonial” military dress and horse tack form reliable markers of cultural ties and military-political orientation of the ruling elites in ancient societies. Prestigious weapons were made by order or took as spoils of war. Furthermore, “ceremonial” weapons and horse tack were diplomatic gifts and appeared in symbolic investiture of barbarian “kings.” This article addresses the finds originating from Cimmerian Bosphoros and dated from the Great Migration, or the Hunnic (last third of the fourth to the second third of the fifth century) and Post-Hunnic Periods (second third of the fifth to the second third of the sixth century): swords, scramasaxes, helmets, shields, horse tack, and “military” costume parts. They meet with parallels both in the Empire and the Barbaricum. Simultaneously, the attire in question misses important artefacts like T-shaped brooches of the Roman administrators of higher ranks and barbarian “royal” gold bracelets with widened ends. Generally, in the case of Cimmerian Bosphoros, military aristocratic culture from the Great Migration Period featured two traditions associated with the great powers of antiquity, the Romano-Byzantine and Iranian ones, with the first predominant among the number of finds. The Eastern Roman Empire’s sphere of military and political influence in the Ponto-Caucasian steppes extended very far, as long as the area controlled by the Sabiroi Huns inhabiting the North-Eastern Caucasus. However, political and, accordingly, military influence of Sassanian Iran in Caucasus is attested by written sources, where it is also confirmed by striking finds of prestigious weapons. This way, Cimmerian Bosphoros appeared at the crossroads of these two military traditions of the great powers of antiquity.

Keywords: Cimmerian Bosphoros, Great Migration Period, prestigious weapons, horse tack, military costume

Acknowledgement: This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, megagrant project no. 075-15-2022-1119.

Общеизвестна знаковая роль престижного оружия, конского убора и «воинского» костюма, как показателей социального уровня его владельцев. Предметы «парадной» воинской и конской экипировки, кроме того, являются надежными индикаторами культурных связей и военно-политической ориентации правящих элит в древних социумах. Нам уже приходилось обращаться к этому материалу, хорошо представленному на Боспоре Киммерийском, в частности при изучении клинкового и защитного вооружения (см. ниже). В данной работе будет предпринята попытка подвести первые итоги этих исследований.

Рассматриваются находки с территории Боспора Киммерийского эпохи Великого переселения народов, т.е. гуннского времени (последняя треть IV – вторая треть V в.) и постгуннского времени (т.н. шиповский горизонт: вторая треть V – вторая треть VI в.), привлечены материалы как собственно Боспора / Керчи, так и других памятников Европейского и Азиатского Боспора – Китея (Джурга-Оба), Гермонассы, Фанагории и т.д. Надо отметить, что довольно значительная группа интересующих нас вещей, в первую очередь, из западноевропейских музеев, происходит из коллекций, сформированных за счет покупок у торговцев древностями и находчиков. Разумеется, в этих случаях боспорское происхождение этих вещей далеко не всегда достоверно – продавцы пытались набить цену своему товару и указывали как место находки хорошо известные античные памятники, такие как Пантикапей, Оливия и пр. Впрочем, эти вещи из коллекций, в целом, не меняют общей картины и находят соответствия в достоверно боспорских находках.

К числу престижных мы относим предметы воинского и конского снаряжения и детали костюма, отличающиеся сравнительно богатым декором, прежде всего, в стиле пергородчатой инкрустации. Основная часть этих предметов происходит из погребального контекста. В первую очередь учитывались могилы, отличающиеся особым богатством инвентаря. К сожалению, для Боспора Киммерийского эпохи Великого переселения народов не разработаны критерии градации погребальных комплексов, как это, например, сделано Ф. Бирбрауером для восточногерманских древностей V в. [97, S. 75–87]. Считаю необходимым привести краткую характеристику его схемы.

Мужские погребения и клады категории Ia. К числу таких погребений и кладов Ф. Бирбрауер причисляет на Среднем Дунае Апахиду (Arahida), Блучину (Blučina), Шим-

леул Силваней (Șimleul Silvaniei / Szilágysómllyo), Петроссу (Pietroasa) и Клуж-Сомешени (Cluj-Someșeni). В них присутствуют:

1) символы ранга – золотые Т-образные фибулы, золотые т.н. королевские браслеты с расширенными концами, золотые именные перстни, золотые гривны;

2) богатый престижный костюм (в частности, золотые мужские фибулы в виде орлов, т.н. императорские фибулы, поясные и обувные гарнитуры), точнее, его сохранившиеся элементы;

3) «парадные» оружие и конский убор, в частности накладки на седло;

4) пиршественный набор металлической посуды византийского / римского происхождения;

5) игровые наборы (жетоны, фишки и пр.);

6) заметное количество изделий из золота или монет (Петросса – не менее 18,8 кг золота, Шимлеул Силваней – около 5 кг, Апахида – 3,5 кг) [97, S. 75–81].

На наш взгляд, на Боспоре Киммерийском этой категории Ia могут соответствовать две керченские гробницы, разграбленные 24 июня 1904 г. [31, с. 51–73, 95], а также склеп 145.1904 г., тоже в Керчи [31, с. 42–50], вероятно, подвергшийся разграблению в древности. Об этом свидетельствует т.н. тайник склепа, где собраны особо ценные вещи, в том числе в обломках, как, например, рукояти мечей с дорогой отделкой, отломанные от клинков. Это очень напоминает воровской «схрон», которым грабители по каким-то обстоятельствам не сумели воспользоваться [38, с. 280]. Судя по сохранившимся золотым вещам с инкрустационным декором (элементы меча, пряжки), к числу очень богатых относился и т.н. Новиковский склеп 1890 г. [95].

Мужские погребения и клады категории Ib. Мужские погребения этой категории содержат:

1) золотые гривны;

2) золотые инкрустированные элементы поясной и/или обувной гарнитуры;

3) питьевой набор;

4) в отдельных случаях аппликации из золотой фольги.

Показательны погребения в Кестхей (Keszthely), Лебень (Lébény), Лендьелтоги (Lengyeltóti), где найдены также мечи и элементы конского снаряжения [97, S. 82, 83].

На Боспоре Киммерийском среди захоронений с оружием к этой категории может относиться мужское погребение в склепе Керчь-Глинище 1896 г. с золотыми пряжками и аппликациями и с парадным мечом [84], Керчь, погр. 11.1899 г., с золотой инкрустированной пряжкой, мечом, копьем и кинжалом [26, с. 83; 31, с. 40], Керчь, склеп 165.1904 г., погр. 5, с мечом, конским снаряжением (в т.ч. седло), диадемой из золотого листа и ременной гарнитурой с серебряными пряжками [82, с. 49; 31, с. 83, 84, 97], Керчь, склеп 179.1904 г., погр. 6 и 7, с мечами, серебряными и бронзовыми пряжками поясной и обувной гарнитуры [82, с. 56], Фанагория, погр. 50.1937 г., с мечами и серебряной ременной гарнитурой [13, с. 44–48; 75], Фанагория, склеп 315.2019 г. [19], а также, вероятно, Керчь, склеп 181.1902 г. [81, с. 107; 70, рис. 5,1].

Однако большая часть погребений с парадным оружием была ограблена в древности, или же сведения о них явно недостаточны для каких-либо заключений. К их числу относится т.н. катакомба Кулаковского 1891 г. [64, с. 59, 60; 135, Abb. 24; 55; 56], Керчь, склеп 6.1905 г. [83, с. 3, 4], Керчь, склеп 1914 г. у Тарханской дороги [31, с. 90–94], Джурга-Оба, склеп 40 [27], Фонтал [65, с. 109], Тамань, курганное погребение 1912 г. [85, с. 327, I.34,5].

Мужские погребения категории IIa. В своей работе 1989 г. Ф. Бирбрауер для эпохи переселения народов не выделил погребения категории II, как он это сделал для вельбаркской и черняховской культур римского времени. Тем не менее, по логике его исследования, к категории II, т.е. к «среднему классу», следовало бы отнести погребения с довольно многочисленными, но относительно недорогими предметами одежды и убранства из относительно недорогих цветных металлов (бронза, латунь, олово, реже серебро), стеклянными кубками, керамической посудой. Что касается мужских погребений, к категории

Па, т.е. к верхушке среднего класса, вероятно, относятся захоронения с серебряными и бронзовыми ременными гарнитурами, без декора в стиле перегородчатой инкрустации, мечами, реже предметами конского снаряжения. К числу таких погребений относятся, например, Мундольсхайм (Mundolsheim) в Эльзасе, Сирмабешеньё (Szirmabesenyő) на Среднем Дунае, Тураево, курган V в Прикамье, Мокрая Балка, погр. 10 на Северном Кавказе [см. подробно: 118, р. 249, 250, там же библиография находок].

Итак, материал, очень близкий дунайскому, происходит и из привилегированных мужских могил Боспора Киммерийского, с той лишь разницей, что здесь в погребальном контексте не встречены Т-образные фибулы – статусные инсигнии римских чиновников. Поэтому в дальнейших исследованиях схема Ф. Бирбрауера может быть применена и к Боспору Киммерийскому.

Мечи

Здесь будут рассмотрены только мечи, которые можно назвать «парадными», к ним мы причисляем оружие с богатой отделкой ножен, рукояти и гарды. Такие мечи для эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском немногочисленны, и они уже были предметом нашего исследования [52]. Поэтому мы здесь лишь кратко повторим ранее полученные результаты. Они происходят, по большей части, из Пантикапея / Керчи, Фанагории, Гермонассы и Китея / Джурга-Обы¹.

Мечи с полусферическим навершием рукояти и портупейной скобой. Наиболее известным является меч из склепов на Госпитальной улице в Керчи, разграбленных 24.06.1904 г. Престижный меч-спата (дл. 87 см) имел ножны и рукоять, украшенные в стиле перегородчатой инкрустации (т.н. *cloisonné*) (бронза, золото, стеклянная паста, гранаты) (рис. 1,1) [31, № 130, там же подробное описание]. Показательными являются полусферическое навершие рукояти (дл. 3,6 см) и портупейная скоба (дл. 14,1 см) (рис. 1,1а). Из тех же склепов происходит еще одно полусферическое навершие меча (дл. 3 см, золото, оникс, гранат) с декором полихромного стиля (рис. 1,2) [31, № 135]². Меч декорирован перегородчатой инкрустацией группы Засецкая 4 [30, с. 20–22, 25].

Б. Аррениус предполагает, что керченские вещи этого стиля являются продукцией так называемых центральных, условно константинопольских мастерских Восточной Римской империи [93, р. 119, 125, 126]. К близким выводам пришла и Н. Адамс, которая относит «геометрический» стиль («стиль А») перегородчатой инкрустации к римской / средиземноморской ювелирной традиции, хотя и не привязывает изделия с таким декором только к продукции константинопольских мастерских [86, р. 30–34, 37, 38]. Другие ножны мечей, сплошь покрытые инкрустированным декором, как на керченском мече, нам известны только в римском иконографическом материале, например, на статуе тетрархов из Венеции (рис. 2,7) [128, Taf. 340,В–Е] и, вероятно, на диптихе Проба Аниция (рис. 2,5) [110, fig. 329], что в целом может свидетельствовать в пользу римского происхождения спаты из склепов 24.06.1904 г.

Еще одно боспорское полусферическое навершие рукояти меча (золото, гранаты, дл. 3,1 см) из коллекции Массоно, происходит с Тамани (по сведениям владельца коллекции). Оно украшено кабошонами в отдельных гнездах и накладной рубчатой проволокой в виде псевдо-зерни (рис. 3,1) [101, S. 179, 180, № 102; 102, S. 86, 87, № 27].

Полусферические навершия рукоятей с полихромным декором археологически наиболее типичны для позднеримского времени. Необходимо назвать навершие из керченского погребения Мессаксуди 1918 г. на склоне горы Митридат³, а также погребения в Барбарикуме, такие как Брюхановский на Урале (рис. 3,2); Тугозвоново в Южной Си-

¹ Кроме того, из некоторых могил с престижным инвентарём происходит клинковое оружие без декора (Фанагория, склеп 50.1937 г., Тузла, склеп III.1951 г.). В данной работе оно не рассматривается.

² Оттуда же происходят фрагменты декора ножен и рукоятей, принадлежавших другим мечам, кинжалам или боевым ножам, типы которых надежно не устанавливаются [31, № 131, 132, 134, 136, 137, 139, 146].

³ Материалы из этого погребения могут иметь широкую дату, включающую практически весь IV и начало V в. [о нем см.: 44].

бири (рис. 3,3), о котором еще пойдет речь; Сопка-2, погр. 668, также в Южной Сибири (рис. 3,4); Усть-Лабинская, курган 45, на Кубани (рис. 3,8); Новокорсунская, также на Кубани (рис. 3,7); возможно, Батырь в Казахстане (рис. 3,6) [52, с. 178, там же библиография]. Некоторые римские изображения, например, на блюде из Гордиковского склепа в Керчи (рис. 2,1) или на диптихе Стилихона (рис. 2,2), позволяют говорить о существовании таких наверший и в Римской империи. В Причерноморье, помимо Керчи, клинковое оружие с полусферическим навершием рукояти для эпохи переселения народов известно также в Абхазии, на могильнике Цибилиум-1, погр. 61 (рис. 6,2) [17, рис. 28,3]. Как мы увидим далее, полусферические навершия типичны для мечей и кинжалов «иранского» типа.

Портупейная скоба меча из керченских склепов 24.06.1904 г. (рис. 1,1а) также может указывать на принадлежность этого оружия римской воинской традиции. Похожие скобы для фиксации портупейного ремня известны на римских мечах, а также на позднеримских изображениях, в том числе на уже упоминавшихся статуе тетрархов и диптихе Стилихона (рис. 2,2,7). Такие портупейные скобы получили дальнейшее развитие в эпоху переселения народов. Они представлены в «вождеской» могиле Альтлусхайм (Altlussheim) на Рейне (рис. 3,12), в аланском «княжеском» погребении Брут-1, курган 2, в Северной Осетии (рис. 3,11), а также на мече из уже упоминавшегося абхазского погребения 61 некрополя Цибилиум-1 (рис. 3,10). Впрочем, если судить по иконографическим данным, похожие скобы бытовали и на Среднем Востоке, у кушан и в сасанидском Иране [52, с. 180, там же библиография].

Фрагменты парадного меча гуннского времени с портупейной скобой также происходят из так называемого Новиковского склепа 1890 г. в Керчи, представлявшего собой гробницу с несколькими захоронениями (рис. 4,1–4) [95, pl. 3; 63, с. 71]. Здесь найдены портупейная скоба ножен с декором в стиле перегородчатой инкрустации и подвеска меча. Такие подвески часто считают «магическими», хотя предложены и более прозаические интерпретации – это могут быть элементы темляка (рис. 5,1) или элементы фиксации портупейных ремней (рис. 5,2–7). Из того же склепа происходят две пряжки с инкрустированным щитком и хоботковым язычком (рис. 4,3,4), типичные для периода D2 хронологии европейского Барбарикума (380/400–440/450 гг.) (см. ниже). В то же время, инкрустационный декор на портупейной скобе и подвеске может свидетельствовать о более поздней дате. На этих изделиях представлены зигзагообразные перегородки, стилистической группы Засецкая 5, типичные для Центральной и Западной Европы уже постгуннского времени, т.е. второй половины V – раннего VI в. [30, с. 22]. Однако, судя по находкам в погребениях первой половины – середины V в. в Регей (Regöly) в Карпато-Дунайском регионе и Покровск-Восход в степном Поволжье или же в гуннском «поминальнике» Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós), этот тип декора появляется уже в гуннское время. Такой зигзагообразный декор типичен для вещей, относимых Б. Аррениус к уже упоминавшимся «центральному» (константинопольским) мастерским. Однако представлен он и на предметах, произведенных в «мастерских-сателлитах», например, на пряжках из «вождеского» погребения в Блучине (Blučina) в Южной Моравии [о вещах из Новиковского склепа см.: 52, с. 180, там же библиография].

Еще один парадный меч (дл. 91 см) со скобой и полусферическим навершием был обнаружен в Керчи на могильнике Глинице в 1896 г. Это склеп с двумя ингумациями, одна из них содержала меч в ножнах с подвеской, три пряжки, два золотых перстня, золотые бляшки (рис. 4,5–17). Меч имеет портупейную скобу с золотым покрытием и зооморфным окончанием, украшенным двумя гранатами⁴, ножны, декорированные аппликациями, и рукоять с золотой обкладкой и полусферическим навершием (золото, бронза), инкрустированным красным стеклом, с перехватом у основания навершия, т.н. иранского / персид-

⁴ Иногда эту скобу принимают за окончание лука, см. подробнее: [49, с. 113]. Такая интерпретация нам кажется маловероятной, поскольку, судя по опубликованному описанию, этот предмет плотно прикипел к ножнам меча. С другой стороны, позиция этого предмета, не посередине ножен, а у их края, не характерна для портупейных скоб.

ского типа, отделенным от рукояти халцедоновым диском (см. ниже). Меч имел подвеску из хрусталя с инкрустированной металлической вставкой [84; 146, Taf. 15; 40, рис. 7,1–12].

Наконец, в коллекции Диергардта, в Римско-Германском музее в Кёльне, находится, происходящая из Керчи, золотая портупейная скоба меча (дл. 38 см), украшенная гранатами в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 3,9) [101, S. 182–184, № 105]. Её декор относится к уже упоминавшейся стилистической группе Засецкая 5 (см. выше). На оборотной стороне имеется тисненый декор с растительными и зооморфными мотивами (птица, бык, кошачий хищник).

Мечи «иранского» типа с перехватом у навершия рукояти. На основании иконографических параллелей И. Бона идентифицировал как иранские по происхождению мечи и кинжалы с дисковидным или полусферическим навершием, отделенным от рукояти перехватом (рис. 6,1–6,8–13). Их прототипы известны на Ближнем Востоке, в частности в Пальмире, в 229 г. (рис. 6,7) [100, p. 199, fig. 104]. На Боспоре Киммерийском такие мечи представлены как в составе погребений, так и в виде депаспортизированных находок. Три навершия мечей с золотой обкладкой (высота 3,5 см, 3 см и 2,5 см), с перехватом, заканчивающиеся диском, были найдены в тайнике керченского склепа 145.1904 г. (рис. 6,8–10) [31, с. 47, № 47]⁵. В целом, предметы из склепа 145.1904 г. датируются временем от периода С3 до периода D2 (т.е. от 300/320–350/370 гг. по 380/400–440/450 гг.). В том же тайнике находились другие фрагменты богатой отделки мечей [31, с. 47, 48, № 48–51], но непонятно, принадлежат ли они тем же клинкам, что и навершия.

Подобная же рукоять происходит и из керченского склепа 1914 г. на Тарханской дороге (рис. 6,11). Золотая обкладка рукояти меча, высотой 3 см, с дисковидным окончанием, сопровождалась золотой обоймой, шириной 1,6 см. Эта коллективная гробница также была разграблена [31, с. 92, № 364]. Судя по характеру некоторых вещей, склеп использовался в период D1–D2 (соответственно 360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.).

Меч «иранского» типа (дл. 110 см) с золотым навершием был найден в Фанагории, в тайнике склепа 315.2019 г. Пока имеется его предварительная публикация, не оставляющая сомнений в идентификации меча (рис. 6,13). Длинная рукоять этого меча (30 см) также характерна для клинков иранской традиции [19, с. 177–179, рис. 2,2]. Известны «иранские» навершия и в качестве депаспортизированных находок, например на Тамани, из коллекции Массоно (золото, гранат, высота 5,6 см). Это навершие орнаментировано кабошонами в отдельных гнездах и накладной рубчатой проволокой – псевдо-зернью (рис. 6,12) [101, № 103; 102, S. 86, 87, № 27].

К сожалению, иранские мечи интересующего нас периода (последняя треть IV – середина VI в.) археологически на территории Сасанидской империи практически неизвестны. Лучше они представлены в иконографии, в частности на рельефах и на металлической посуде [см., напр.: 107; 77; 131; 132]. Благодаря этим изображениям, можно утверждать, что типичным для сасанидов был так называемый иранский способ ношения меча, прикреплявшегося портупейными ремнями к поясу [139, p. 27, 29]. Такой способ крепления оружия хорошо засвидетельствован на Ближнем и Среднем Востоке (рис. 5,4–7), причем не только в Иране, но и в Пальмире, и редко встречается на Западе, например, на диптихе Стилихона или на анонимной императорской статуе из Турина (рис. 2,2,4).

В Восточной Европе мечи и кинжалы иранской традиции выявлены в Абхазии на могильнике Цибилуим; на Северном Кавказе – в могильнике Волчьих Ворота под Кисловодском и в Ингушетии; в Среднем Поднепровье в погребении Волниковка; в крымском погребении гуннского времени Совхоз Калинина, а также в степных погребениях несколько более раннего времени (середина – вторая половина IV в.), например, в Муслимово (рис. 6,1,3,4–6) [подробнее: 46, с. 118–120, там же библиография]. В Центральную и Западную Европу «иранские» мечи с полусферическим навершием и перехватом, насколько нам известно, не попадают.

⁵ Склеп разграблен, сам тайник с обломками дорогих вещей больше всего напоминает воровской «схрон», когда грабители по каким-то причинам не смогли вынести украденное.

Золотые ножны клинкового оружия с продольной нервюрой. В Римско-Германском музее в Кёльне хранятся ножны клинкового оружия из золотого листа с инкрустационным декором, входившие в состав коллекции Диергардта (рис. 7,1) [101, S. 184–186, Abb. 197–199]. Длина ножен 50 см, что, скорее, указывает на принадлежность кинжалу или боевому ножу, устье, средняя часть и бутероль украшены накладной пластиной с инкрустационным геометрическим декором, сама бутероль имеет форму U. В средней части ножен имеется продольная нервюра. Характер геометрического инкрустационного декора более всего соответствует стилистической группе Засецкая 4 / Адамс А (см. выше), что в целом позволяет отнести данные ножны к поздне римскому времени и эпохе переселения народов. Ножны с медианными нервюрами известны как для поздне римского времени, так и для эпохи переселения народов, например, в поздне сарматском погребении Щербаковка в степном Поволжье, в погребении Брюхановский на Южном Урале, в керченской гробнице Мессаксуди 1918 г., в Альтлюсхайме (рис. 7,3), а также на порфировых статуях поздне римских императоров из Турина (рис. 2,4) и Равенны [52, с. 182, там же библиография]. U-образные бутероли клинкового оружия хорошо представлены в Европе в эпоху Великого переселения народов [напр.: 128, S. 430–434, Taf. 286–288]. Территориально наиболее близкой является бутероль меча из погр. 50.1937 г. в Фанагории [69, табл. IX,1,6]. Мечи из этой гробницы не имеют декора, как на «парадных» клинках (рис. 8,7,8), но они происходят из могил явно привилегированного характера [13, с. 45–47; 74, с. 207, 209; 75, с. 19, рис. 3].

Мечи с инкрустированной гардой. В 1912 г. в станице Тамань (античная Гермонаса, существовавшая, по меньшей мере, до царствования Юстиниана) был вскрыт курган, содержавший ингумацию, сопровождавшуюся конем и парадным мечом. Меч-спата (дл. 90,1 см), ныне находящийся в Берлине, имеет богатый декор в стиле *cloisonné* на бронзовых со следами позолоты широкой гарде и устье ножен (рис. 8,1). Сохранилась также халцедоновая подвеска от меча (рис. 8,2) [85, с. 327, I.34,5]. Меч явно ранневизантийского происхождения, т.н. понтийский [127, S. 176–186], относится к типу 2 (два декоративных поля на гарде, каждое разделено на три горизонтальные зоны) [39, с. 123], представленному также находкой в уже неоднократно упоминавшемся «вождеском» погребении гуннского времени в Альтлюсхайме. Таманский меч по стилистическим особенностям декора гарды может быть датирован второй половиной V – первой половиной VI в. [39, с. 136].

Фрагменты еще одного «парадного» меча с инкрустированной гардой были найдены на могильнике Джурга-Оба, который представляет собой часть некрополя города Китея на «европейском» Боспоре. В разграбленном погребении 40 найдены престижный женский убор, датируемый второй половиной V в. [27, с. 71–77; 103, р. 346], а также фрагменты клинкового оружия – обломок железного перекрестья большого меча, фрагмент гарды или ножен с золотой обкладкой и перегородчатой инкрустацией (рис. 8,5) ранневизантийского типа 3 (два декоративных поля с арочным декором), датируемого по аналогам в степи и на Северном Кавказе постгуннским временем [39, с. 123, 124, 136; 45, с. 80], и халцедоновая гарда (рис. 8,6). Как известно, последние поступают в Европу с Востока, может быть из Китая или Центральной Азии, и изредка встречаются в воинских комплексах римского времени и переселения народов⁶, попадают они и в Крым [52, с. 183, там же библиография].

В Эрмитаже хранится железная гарда меча с инкрустированным декором, поступившая из частного собрания (железо, золото, гранаты, дл. 10,5 см), предположительно происходящая из Керчи (рис. 8,3) [31, с. 64, № 384; 85, с. 303, I.13.1]. Декор перекрестья принадлежит мечам ранневизантийского типа 1 (два декоративных концентрических поля), постгуннского времени, о чем свидетельствуют находки на Северном Кавказе и в Абхазии [подробнее см.: 39, с. 124, 136]. Железная массивная гарда позволяет отнести её к оружию т.н. азиатского типа [127, S. 165–175]. Среди других находок «азиатских» мечей на Боспо-

⁶ Также стоит отметить гарду из ляпис-лазури, вероятно, сасанидского происхождения, вторично использованную как база бутероли меча в «вождеском» погребении в Альтлюсхайме [146, Taf. 3,1b].

ре Киммерийском надо назвать уже упоминавшиеся мечи из Фанагории [69, табл. V,5; IX] (рис. 8,7,8). Гарды «азиатского» типа широко распространяются в Европе в гуннское время [карта: 115, fig. 8]⁷.

Инкрустированный орнамент гарды этих мечей очень разнообразен, их несомненно изготовляли на заказ. При этом мотивы декора и характер обработки камней-инкрустаций являются типичными для изделий средиземноморских мастерских [93, р. 101–113; 121]. В Западной и Центральной Европе находки таких мечей единичны, стало быть, речь идет, прежде всего, о восточно-римском / византийском оружии. Иконографические данные подтверждают римское / византийское происхождение мечей с инкрустированной гардой (см., напр., рис. 2,7). Вторым центром распространения подобных мечей мог быть также и сасанидский Иран [подробнее: 46, с. 116, там же библиография].

Мечи с зооморфными накладками на ножны. Меч из коллекции Диергардта, найденный или купленный на Тамани, сейчас находится в Римско-Германском музее в Кёльне (рис. 9,1) [о нем подробно: 127, S. 184, 185; 50]. Таманский меч смонтирован, скорее всего, торговцами древностями, из разнородных элементов. Реально к мечу эпохи переселения народов, помимо собственно клинка, принадлежит устье ножен из серебряной пластины шириной 1,8 см, а также некоторые другие детали. Это, в первую очередь, две серебряные окантовки ножен длиной 12,5 см, украшенные птичьими головами. Их декорированные концы покрыты золотым листом и приклепаны к ножнам железными гвоздями. Еще один сохранившийся первоначальный элемент – бронзовая, покрытая золотой фольгой пластина-накладка (4,6х3,5 см) с окончанием в виде двух развернутых в разные стороны птичьих голов и кольцом на противоположной оконечности. Сохранившиеся детали позволяют отнести таманский меч к эпохе Великого переселения народов. Наиболее близкими параллелями являются мечи из могильника Дюрсо под Новороссийском, принадлежавшего готам-тетракситам (евдусианам) [25]. При этом оба интересующих нас элемента – окантовки с орнитоморфным декором и накладка с двумя выступами, вероятно, имитирующими декор в виде птичьих голов – имеются на мече из погр. 300 (рис. 9,2) [24, с. 222, 223, рис. 7,1,3,4,39]. В погр. 479 имеются окантовки с окончаниями в виде птичьих голов. Золотая пластина в верхней части ножен (рис. 9,3) здесь не имеет завершения в виде стилизованных птичьих голов.

Помимо таманского меча, на Боспоре Киммерийском окантовки ножен с окончаниями в виде птичьих голов (серебро, дл. 9,4 см) происходят из уже упоминавшегося склепа 145.1904 г. в Керчи (рис. 9,5) [31, с. 48, № 51, табл. 18], а также из погр. 16 на могильнике Джурга-Оба, где окантовки украшали ножны палаша / скрамасакса (рис. 9,10) (см. ниже).

Мечи с окантовками ножен, украшенными птичьими головками, довольно широко распространены в V – раннем VI в. от Кавказа до Рейна. Помимо уже названных мечей из Дюрсо, необходимо упомянуть находки из Лара на восточном побережье Черного моря, Тарнамеры (Tarnaméa) в Карпато-Дунайском бассейне, а также из рейнских могил ранне-романовингского времени Роммерсхайм (Rommersheim), возможно, из погр. 11 Рюбенах (Rübenach) и погр. 576 Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep). Кроме того, окантовки с птичьими головками на бутероли меча известны в погребении из Сирмабешень (Szirmabesényo) (рис. 9,4,6–9) [подробнее: 50, с. 154, 155, там же библиография].

ОРУЖИЕ С КОРОТКИМ КЛИНКОМ

Скрамасаксы. Однолезвийный клинок с железной ромбической гардой «азиатского» типа (см. выше) происходит из погр. 16 могильника Джурга-Оба, представляющего собой часть некрополя Китея (рис. 7,4). Он имел деревянные ножны и деревянную рукоять с бронзовой оковкой на конце и с бронзовыми заклепками. Деревянные ножны

⁷ По мнению Я. Тейрала, «азиатские» мечи в Европе распространяются на поздней стадии гуннского времени, т.е. в период D2/D3 хронологии европейского Барбарикума, соответствующий времени Аттилы и распаду гуннского объединения (430/440–460/470 гг.) [143, S. 282–285]. Но в Восточной Европе такие мечи известны уже в позднесарматское время [подробнее: 46, с. 115, 116, там же библиография вопроса].

имели бронзовые оковки в верхней и нижней частях и две продолговатые накладки с головками птиц на концах. Общая длина оружия – около 1 м, сам клинок – 75 см [28].

Типологическое определение этого оружия вызывает некоторые трудности. Формально наш клинок соответствует понятию палаша, т.е. клинкового оружия с длинным прямым однолезвийным клинком, в то же время по общей морфологии он близок скрамасаксам. Разница между палашами и скрамасаксами, прежде всего, в длине клинка: длина первых составляет от 65 до 100 см, вторых – до 72 см⁸ [113, р. 132; 41, с. 111; 28, с. 243, там же библиография]. Кроме того, палаши имеют более узкое лезвие. Поэтому довольно значительная ширина клинка, более соответствующая скрамасаксам, чем палашам, а также сравнительная редкость палашей ранее VII в. в Восточной Европе⁹ заставляют нас причислить данное оружие к скрамасаксам. Погребения со скрамасаксами эпохи Великого переселения народов не часто встречаются в Крыму и на Тамани. Это такие погребения как Керчь: склеп 1914 г. на Тарханской дороге и склепы, ограбленные 24 июня 1904 г.; Джурга-Оба, склеп 7; Карши-Баир, склеп 5; Тузла, склеп III, камера 2¹⁰, 1951 г. Также довольно редки скрамасаксы и на Северном Кавказе: погр. 291 Дюрсо, погр. 5 Бжид, погр. 17 Байтал-Чапкан, погр. 118 Зарагиж, погр. 1 Острый Мыс, могильники Абхазии [28, с. 247, 248, там же библиография]. Создается впечатление, что чем дальше на юг и на восток, тем скрамасаксов в погребениях Восточной Европы становится всё больше. Можно предположить, что это так или иначе связано с влиянием военных традиций сасанидского Ирана, и шире – Среднего Востока, откуда скрамасаксы, видимо, и распространяются в Европе [см. подробнее: 41, там же библиография].

Железные гарды, как на клинке из Джурга-Обы, имеются у скрамасаксов в Абхазии (рис. 10,2–9), в финском Поволжье (рис. 10,10–14), а также в Иране (рис. 10,1). На скрамасаксах в Западной и Центральной Европе «азиатские» гарды не представлены, хотя, как уже говорилось, имеются на мечях. Некоторые скрамасаксы с железной гардой выделяются большой длиной клинка. Это оружие из Норузмахале (Noruzmahale) в Иране (около 60 см) (рис. 10,1), из Цибилума 1, погр. 77 (50 см), в Абхазии (рис. 10,2), а также некоторые клинки из Поволжья, например, из погр. 3 Безводнинского могильника (62 см) (рис. 10,13) или из погр. 100 Ахмыловского могильника (69 см) (рис. 10,14). Распространение железных гард на скрамасаксах только в Восточной Европе – в Поволжье и в Крыму, а также в Закавказье и Иране, и, с другой стороны, их отсутствие в

⁸ По общей длине (вместе с рукоятью) наиболее длинными для эпохи переселения народов являются скрамасаксы из Центральной и Западной Европы: Левице-Алшоретек (Levice-Alsórétek), погр. 2.1949 г. (69 см) в Словакии; Альтлюсхайм (Altflusheim) (70 см) на Рейне, Граншютц (Granschütz), погр. 1, в Тюрингии (71 см) [91, S. 96, 97]; Базель-Готтербармвег (Basel-Gotterbarmweg), погр. 34 (63 см), территория совр. Швейцарии [146, S. 44]; Алдаета (Aldaieta), погр. В-89 (72 см) в испанской части страны басков [94, р. 424 fig. 329]. К ним приближаются по длине и некоторые гепидские скрамасаксы [подробнее: 10, с. 34, там же библиография].

⁹ К числу палашей относят некоторые клинки первых веков н.э. в Волго-Уральском регионе. Считается, что они принадлежат выходцам с востока, которые, стало быть, и принесли палаши из Азии [36], где этот вид оружия хорошо известен в первые века н.э. По И.П. Засецкой, палаши распространяются в восточноевропейских степях в гуннское и постгуннское время. К ним она относит для конца IV – первой половины V в. находки в Нижней Добринке на Волге, Совхозе Калинина в Крыму, и, для постгуннского времени, клинок в Покровске, курган 17, в степном Поволжье [32, с. 33]. Однако, сохранившиеся части клинков, на наш взгляд, не дают оснований для таких определений. Так, в Нижней Добринке сохранились фрагменты длиной 20 и 10 см [32, табл. 30,10], в Совхозе Калинина – 14 см [32, табл. 23,12], а в Покровске, курган 17 – два обломка общей длиной около 20 см [32, с. 33, табл. 31,1]. Эти фрагменты могут принадлежать как палашам, так и боевым ножам, вроде тех, что сохранились в степных погребениях гуннского времени в Кубее, в Молдавии [32, табл. 46,18]. Равным образом палаши ранее VII в. отсутствуют и в Центральной и Западной Европе, если не считать находку из погр. 515 аламанского могильника Вейнгартен (Weingarten) [120, р. 176, fig. 15,1].

¹⁰ Камера разрушена, кости в беспорядке. Видимо, она принадлежит гуннскому времени, о чем свидетельствует найденная в камере характерная золотая серьга [34, лист 37; ср., напр.: 3, рис. 13,7,8; 31, табл. 50,243].

Западной и Центральной Европе, указывает, скорее, на восточное (сасанидское?) происхождение этого типа оружия. Однако другой элемент – украшение ножен клинка узкими длинными накладками с окончаниями в виде птичьих голов, имеет, скорее, западные параллели (см. выше). К сожалению, крайне недостаточно изучено сасанидское оружие V–VI вв., что заставляет нас воздержаться от каких-либо выводов относительно происхождения и распространения этого типа декора.

Еще один скрамасакс / боевой нож, происходящий откуда-то с Боспора Киммерийского, имеется в коллекции Диергардта. Довольно короткий однолезвийный клинок находится в ножнах с серебряным декорированным устьем в форме Г и бутеролью в форме U, рукоять украшена бронзовым изображением орлиной головы (рис. 7,2) [145, Taf. 498; 104, S. 17, Taf. 17,D687]¹¹. Судя по характеру Г-образного устья ножен, этот нож относится к эпохе Великого переселения народов [об этом подробнее: 120, p. 175, fig. 12,4,7; 13,10,14]. Клинковое оружие с рукоятью, украшенной птичьими / орлиными головами, имеет давнюю традицию и известно на Ближнем Востоке уже во II тысячелетии до н.э., вплоть до эллинистического времени, где такие клинки зафиксированы, например, на изображениях в храме Афины в Пергаме или же на греческих погребальных стелах. Орлиноголовые навершия рукоятей типичны для римского оружия (напр., рис. 2,5–8). Обращает на себя внимание изображение на серебряной чаше из Авиньона (так называемая чаша Брисейды) (рис. 2,8), датируемой IV в. Здесь изображено оружие с довольно коротким клинком, орлиноголовой рукоятью и бутеролью в форме U, что напоминает боспорский боевой нож. В позднеримское время мечи с орлиноголовой рукоятью хорошо представлены на изображениях «статусных» персон, что, вероятно, свидетельствует об их знаковой роли как символе власти. Реже такие рукояти имеются и на сасанидских царских изображениях. Вне всякого сомнения, эта символика изображений орла была хорошо известна и на Боспоре Киммерийском. Поэтому боевой нож из коллекции Диергардта может быть отнесен к элементам «вождецкой» / «воинской» культуры Боспора конца античности или самого начала средневековья [подробнее: 51].

Наконец, необходимо вспомнить, что имеется еще один фрагмент гарды малого клинкового оружия, предположительно из Керчи, который находится в собрании Эрмитажа [31, с. 94, № 383; 85, с. 303, I.15.4]. Здесь на гарде (железо, золото, серебро, гранаты, дл. сохранившейся части 3,8 см) имеется характерный «ступенчатый» декор стилистической группы Засецкая 5, типичной для Центральной и Западной Европы конца V – раннего VI в. [30, с. 22, 25, рис. 6,6]. К сожалению, клинок не сохранился, и мы не знаем, был ли это кинжал или боевой нож / скрамасакс.

Кинжалы. Сюда мы относим оружие с двулезвийным коротким (менее 70 см) клинком. По сути, к этому типу оружия по «престижному» контексту мы можем причислить лишь кинжал из керченских склепов, разграбленных 24 июня 1904 г. на ул. Госпитальной (рис. 8,9). Оружие имеет двулезвийный клинок, общей длиной (вместе с рукоятью) 33,5 см, и железное перекрестье «азиатского» типа (см. выше). Из того же контекста происходят еще два фрагмента клинка двулезвийного кинжала, общей длиной 46 см [31, с. 64, № 147, табл. 30,147]¹².

Для гуннского времени двулезвийные «парадные» кинжалы или короткие мечи в понто-кавказском регионе также найдены в Зарагиже, погр. 118 [130, № 26]; Цибилиуме 1, погр. 57 и 61 [17, рис. 26,7; 28,3]; в Новогригорьевке, погр. VIII [32, с. 34, табл. 5,13,14]; в Бруте, курганы 2 и 7 [21, рис. 5; 26,1,2]; Волниковке [15, рис. на с. 12, 18]. В Западной Европе для этого времени можно назвать находку из престижного «воинского» погребения в Арзиньяно (Arzingnano), в Северной Италии [134, fig. 13].

¹¹ Без подробного анализа этого артефакта невозможно сказать, в самом ли деле все его детали принадлежат одному предмету, или же это плод «реставрационной» деятельности торговцев древностями.

¹² Кроме керченской находки надо назвать и кинжал («короткий меч») из уже упоминавшегося склепа III.1951 г. в Тузле. Склеп содержал престижные вещи, но кинжал не имел декора, и поэтому здесь не рассматривается [34, лист 37, 38; 69, с. 156, табл. VII,1,в].

«Парадные» щиты

К этой категории вооружения могут быть отнесены, найденные в склепах 24 июня 1904 г. на ул. Госпитальная в Керчи, фрагменты кожаной расписной обивки щитов, а также позолоченные умбоны и заклепки, а также манипулу, покрытую серебряным листом, из тех же погребений [31, с. 64, 65, № 149–155, табл. 31–34]. Кроме того, к престижным относятся умбоны, манипулы, заклепки и обкладки края щита из тайника погр. 145.1904 г. [31, с. 46, 47, № 42–46, табл. 16].

Обшивка щитов. Фрагменты обшивки не менее двух щитов сшиты из нескольких полос дубленой козлиной кожи (рис. 11,1–5) [31, с. 65, № 152, табл. 31, 34]. На одном фрагменте представлен геометрический декор и изображения воинов (или охотников по Л. А. Мацулевичу), с копьями, на втором и третьем – по римским аналогиям реконструируется конная охота на кошачьего хищника [59, с. 2–4]. Впрочем, второй фрагмент очень маленький, на нем видно лишь копыто коня и лапа кошачьего хищника. На четвертом фрагменте изображены павлины, пьющие из вазы [59, с. 2–4].

По общим очертаниям сохранившихся фрагментов, по крайней мере, в одном случае угадывается форма щита, близкая к вытянуто-шестиугольной, что и отражено в опубликованной реконструкции (рис. 13,1) [147, cat. II.1.t.u, fig. II.13]. Похожие по форме щиты представлены на изображениях в синагоге в Дура-Европос середины III в. (рис. 13,3) [99, fig. 102,2]. Археологически по остаткам древесного тлена подобная форма была реконструирована и в погребении 12 могильника Шапка-Абгыздраху в Абхазии (рис. 13,2) [18, с. 132, рис. 5,3]. Это захоронение по инвентарю датируется концом IV – первой половиной V в., оно, кстати, содержало позолоченный фасетчатый умбон, очень близкий керченскому (см. ниже) [публикация погребения: 76, с. 33, 35, табл. VI].

Умбоны. В керченских склепах 24 июня 1904 г. обнаружено два позолоченных умбона. Один из них бронзовый, высотой 15,8 см и диаметром 19,1 см (рис. 12,1). Он сфероконической формы, с довольно широкими полями, калотта отделена от полей горизонтальной металлической полосой. На полях восемь отверстий для заклепок, последние представляют собой гвозди с большими полусферическими шляпками [31, с. 64, 65, № 149, табл. 32]. Этот умбон принадлежит типу Малаешты / Цилинг I-3. Они хорошо представлены в понто-кавказском регионе, в частности в Керчи (погр. 1954 г. на ул. Овощная), в Танаисе, на территории черняховской культуры (Малаешты, Команийцы, Беленькое), в Абхазии (Шапка-Абгыздраху, погр. 60/12). Они также имеются в Трансильвании, Восточной Пруссии, Норвегии. Бронзовый умбон близкой формы, отнесенный к IV в., происходит из Сирии. В целом, можно предположить восточно-римское происхождение умбонов этой формы [114, p. 443, 445]. Н. Цилинг отнес умбоны типа I-3 к периодам 2–3 (250/260–260/370 гг.) по хронологии Барбарикума [148, S. 117, 118], однако датированные находки таких умбонов позволяют их отнести скорее к концу периода C3 (300/320–350/370 гг.) или же к периодам D1–D2 (соответственно 360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.) [114, p. 443].

Еще один умбон, также из керченских склепов 24 июня 1904 г., также сфероконической формы, имеет калотту с фасетчатым декором в виде вытянутых ромбов и треугольников. Он железный, покрыт тонкой золотой пластиной, его высота 10,6 см, диаметр – 17,9 см. На полях имеются двенадцать заклепок, собранных в четыре группы (рис. 12,2) [31, с. 65, № 150, табл. 32]. Два похожих умбона были найдены в Керчи, в тайнике склепа 145.1904 г. Они бронзовые, с позолотой. Один более приземистый, высотой 7,5 см и диаметром 20,4 см, с двенадцатью заклепками в виде гвоздей с большими полусферическими шляпками, собранными в четыре группы (рис. 12,19). Второй умбон имеет высоту 9,5 см и диаметр 17,9 см, с заклепками, расположенными на одинаковом расстоянии одна от другой (рис. 12,20) [31, с. 46, № 42, 43, табл. 16]. За пределами Керчи эти умбоны имеют только одну аналогию, в уже упоминавшемся погребении 12 абхазского могильника Шапка-Абгыздраху [76, табл. VI,2; 18, рис. 5,13]. Поэтому для этих умбонов нами предложено название «тип Керчь». Зона их распространения указывает на их восточно-римское /

(понтийское?) происхождение и дата может быть ограничена рамками периодов D1–D2 (360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.) [114, p. 448].

Манипулы. В погр. 145.1904 г. и в двух гробницах 24 июня 1904 г. в Керчи были найдены четыре манипулы щитов, все принадлежащие одному типу. Они бронзовые с позолотой, длиной от 15,7 до 22,4 см. Пластинчатая рукоять удлинненной формы, с выпуклой внешней стороной и вогнутой внутри, имеет на концах по три круглых выступа для крепления к щиту, с бронзовыми заклепками с полусферическими шляпками. На рукояти имеется декор в виде горизонтальных врезных линий (рис. 12,3–6) [31, с. 46, 65, № 44, 151, табл. 16, 32]. Подобные манипулы нам известны только в керченском некрополе на ул. Госпитальной, поэтому они получили название «тип Госпитальная» и были датированы по общему контексту погребений периодами D1–D2 (360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.) [114, p. 452].

В тайнике керченского погр. 145.1904 г. были обнаружены пластинчатые бронзовые, с серебряным покрытием **обкладки края щита** длиной 72,5 и 74 см, с декором в виде поперечных желобков (рис. 12,7,8) [31, с. 46, 47, № 45, табл. 16]. Они реконструируются как выгнутые обкладки центральной части удлинненного щита [29, рис. 4,12]. Наконец, в тех же погребениях 145.1904 г. и 24 июня 1904 г. были найдены бронзовые, обтянутые золотыми листиками **заклепки от щитов**, в виде гвоздиков с полусферическими шляпками (рис. 11,6–16; 12,9–18) [31, с. 47, 65, № 46, 155, 156, табл. 17, 33]¹³.

ШЛЕМЫ

Для интересующего нас времени на Боспоре Киммерийском известно три находки шлемов. Они уже рассматривались [47], здесь мы кратко повторим результаты предыдущего исследования.

Два из шлемов были найдены в Керчи, на улице Госпитальной (усадебная Коробки), в гробнице, исследованной Ю. А. Кулаковским в 1891 г. Гробница была ограблена, из нее происходят, среди прочего, монета Льва I (453–473 гг.), элементы тисненого геральдического набора VII в., два шлема, два меча, трехлопастные стрелы, наконечник копья, ламеллярный панцирь [64, с. 59, 60; 135, Abb. 24; 55; 56]. Поскольку гробница была ограблена и вещи в ней перемешаны, достоверно установить, с каким именно погребальным инвентарем связаны интересующие нас шлемы, практически невозможно. Можно предположить, что они как-то связаны с находкой пластинчатого панциря. Если принять во внимание находку монеты и геральдического набора, диапазон совершения захоронений может быть широким, от второй половины V по VII в. Из той же гробницы происходят собранные из пластин нащечники-парагнатиды (рис. 14,3) [92, Abb. 23; 135, Abb. 24].

Первый шлем, каркасно-ламеллярной конструкции по терминологии М. Фогта (*Spangen-Lamellenhelme*) [144, S. 105, 106, 297], с опорными вертикальными лентами каркаса, нам известен лишь по рисункам (рис. 14,4), достоверность которых требует подтверждения [92, Abb. 2a; 135, Abb. 6; 144, Abb. 42,2]. Подобные каски в Европе представлены, по сути, тремя находками: Керчь, погребение 1891 г.; гепидский могильник аварского времени Мезебанд (*Mezöband*) в Трансильвании, погр. 10 – «захоронение ремесленника» с кузнечными инструментами, предположительно второй половины / конца VI – начала VII в.; погребение «маленького принца» в Кёльнском соборе, второй четверти VI в. [144, S. 105, 106, 297, Abb. 38, 42, Taf. 59,1]. Иногда эти каски выделяют в тип «Керчь-Мезебанд» и связывают с ними уральские шлемы из Тураевского могильника и каску из Войводы, с территории Болгарии [108, p. 47, 48, 113, 114, fig. 7,15–18]¹⁴.

¹³ По мнению А. Г. Фурасева, к декору щитов относятся также две зооморфные накладки в стиле пегородчатой инкрустации из погребений 24.06.1904 г. [78]. Однако полное отсутствие параллелей таким накладкам среди достоверных украшений щитов эпохи Великого переселения народов не позволяет нам разделить эту точку зрения.

¹⁴ Предложенное М. Фогтом отнесение шлема из Войводы к группе «ленточных» (*Bandhelme*), куда также относятся шлемы типа Св. Вид / Нарона и Бретценасейм [144, S. 78–82, 280–286], нам представляется более обоснованным [см. также: 11, с. 236–238].

По происхождению эти каски могут быть связаны с сарматской и римской традициями [подробнее дискуссия: 144, S. 102, 103]. Их прямые предшественники достаточно хорошо представлены в римской «воинской» иконографии, в частности на изображениях сарматских всадников и вражеских трофеев на колонне Траяна (рис. 15, 1–3), а также у сирийских (или сарматских?) лучников и, наконец, у римских легионеров на той же колонне¹⁵.

Второй шлем из керченской гробницы имеет ламеллярную конструкцию, т.е. собран из узких вертикальных пластин. Он вытянуто-полусферической формы, имеет шишак, другие элементы на сегодняшний день не сохранились (рис. 15, 1, 2). Фрагменты третьего шлема, также ламеллярной конструкции, были обнаружены на Ильичевском городище на Тамани. Они происходят и культурного слоя памятника (рис. 13, 5) [62, с. 185, 186, рис. 1, 6]. Основная масса находок на городище приходится на VI в. (не позднее третьей четверти этого столетия, когда крепость была разрушена, скорее всего, тюркютами и утигурами) [22, с. 154]. По сохранившимся фрагментам каска была реконструирована как ламеллярная полусферическая, с шишаком и прямоугольной горизонтальной пластиной в лобной части, переходящей в наносник.

До недавнего времени ламеллярные шлемы в Восточной Европе были известны только в её южной части, в Крыму, на Тамани и на Северном Кавказе. Однако сравнительно недавно один такой шлем был найден и в Центральной России, в Хомутовке Курской области [66]. В целом, ламеллярные шлемы в Европе известны в аламаннских, лангобардских и аварских древностях VI–VII вв. Лучше всего они представлены в погребениях авар на среднем Дунае и лангобардов в Италии [46, там же библиография].

Очень распространено мнение, что эта форма шлема, как и сам ламеллярный доспех, появилась в Европе с востока в середине – второй половине VI в. вместе с миграцией авар. На роль «разносчиков» ламеллярных шлемов предлагаются и другие народы, например, носители саргатской культуры или аланы. Следует отметить, что ламеллярные шлемы известны в Восточной Европе уже в позднеимперское время, т.е. явно до миграции авар (например, Кишпек, курган 13, в Кабардино-Балкарии). Сама по себе конструкция ламеллярного шлема очень давно известна не только в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, но и на Ближнем Востоке, в Южной Азии, а также в Восточной Европе, по меньшей мере с I в. н.э. Ламеллярные шлемы известны и в римской армии поздней Империи, о чем свидетельствуют изображения солдат на арке Галерия в Фессалониках, где представлены изображения каркасно-ламеллярных касок (см. выше) (рис. 15, 4, 5). Итак, у нас есть основания полагать, что боспорские ламеллярные шлемы не являются инновацией, принесенной с востока в VI в., а, скорее, принадлежат традиции, укоренившейся в предшествующее время как в римской армии, так и у восточноевропейских варваров [подробнее: 46, там же библиография]. В целом же, все три боспорских шлема хорошо укладываются в рамки европейских воинских традиций того времени, усвоивших как римское, так и «варварское» наследие.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

К числу престижного конского снаряжения относятся металлические накладки на седла, а также удила с держателями узды, накладные бляхи и наконечники сбруи, гладкие и полихромного стиля. Последняя категория – ременные бляхи и наконечники – не может быть надежно отнесена только к конскому снаряжению, поскольку точно такие же элементы входили в состав ременной гарнитуры поясов, портупей, обувных ремней и пр. К сожалению, основная часть этих предметов происходит из разграбленных погребений, и их изначальная позиция в могилах остается неизвестной. Поэтому наконечники и большая часть накладных блях будут рассмотрены в разделе, посвященном костюму, как и пряжки, хотя, по крайней мере, часть этих предметов могла относиться к конскому убору.

Седла. В погребениях гуннского времени на Боспоре Киммерийском было обнару-

¹⁵ Шлемы ламеллярно-каркасной конструкции имеют очень древние средиземноморские прототипы, восходящие, по меньшей мере, к VI в. до н.э., как об этом свидетельствует, например, находка шлема в Сардах, в Малой Азии [144, S. 108; 108, fig. 15, 2].

жено одно археологически целое седло, в погр. 5 склепа 165.1904 г. в Керчи, сопровождавшемся также мечом и стрелами. Седло было из дерева и кожи, украшенное по краям гвоздиками с позолоченными шляпками и серебряной гарнитурой. Оно, к сожалению, не сохранилось [31, с. 97].

Сегментовидные «низкие» вытянутые накладки типа Засецкая 4в / Ахмедов 6, с чешуйчатым пуансонным орнаментом, 14,5x4,5 см (рис. 16,1) [32, прил. 3, № 17; 9, с. 145] были найдены в Керчи, в разграбленном склепе 6.1905 г. [32, рис. 10,17, прил. 3, № 17]. Там же были найдены ранневизантийская пряжка второй половины V – первой половины VI в. и фрагмент стержневых удил с зооморфным окончанием (см. ниже) [82, с. 3, 4; см. также: 117, р. 66]. Параллели этой накладке известны в уже упоминавшемся могильнике Дюрсо, в конском погр. 5 и в Галайты (Чечня) [48, с. 358, там же библиография]¹⁶. На Северном Кавказе подобные накладки существовали и позже, как показывает, например, находка в одном из курганов Чир-Юрта (Северный Дагестан) с монетой 582–602 гг. [4, рис. 41,10]. Впрочем, согласно И. Р. Ахмедову, пластина из Чир-Юрта не связана с выделенной им группой 6 [9, с. 29].

Также из Керчи происходят треугольные накладки вытянутой формы, типа Засецкая 16 / Ахмедов 2–5, с тисненым декором [33, с. 143; 9, с. 25, 26] (рис. 16,2), контекст находки неизвестен. Их параллели представлены на Северном Кавказе в Галайты; а также в степных погребениях постгуннского времени – в Ялпуге на Нижнем Дунае и в кургане 4 (погр. 2) во Владимирском могильнике на Волге; в Среднем Поволжье в могильнике Коминтерн, погр. 46, возможно, погр. 42; на Южном Урале в Солончанке I; и далее на восток, в Казахстане, в Боровом. Эти накладки появляются еще в гуннское время, как об этом свидетельствуют находки в Солончанке I, курган 1. Ряд других находок, таких как в Ялпуге и Владимирском, датируются постгуннским временем, а находки в Коминтерн соответствуют переходу от шиповского горизонта к горизонту геральдических поясов, т.е., скорее всего, второй трети VI в. [48, с. 359, там же библиография].

Из тайника уже упоминавшегося керченского погр. 145.1904 г. происходит пластинчатый ободок в виде желобка, возможно, представляющий собой обкладку края седла. Он серебряный с позлотой, длиной 12 см, имеются отверстия для закрепляющих его гвоздиков (рис. 16,4) [31, с. 48, № 3, табл. 18]. В качестве аналогов можно назвать подобные изделия из памятников гуннского и постгуннского времени, например, Новогригорьевка погр. IX и VIII, Покровск, курган 18 [31, табл. 2,2; 4,7], Печьюсер (Pécsüzög), Левице / Лева (Léva) [88, Taf. I,28–31; XIII,5–10,13], Волниковка [15, с. 172–175, кат. 291–298].

Удила. «Парадные» удила, из железа и серебра, с полихромным декором на держателях узды, представлены в тайнике погр. 145.1904 г. (рис. 16,5–8; 17,1–11) и в склепах 24.06.1904 г. в Керчи (рис. 17,12–15) [31, с. 48, 49, 67, 68, № 57–61, 170, табл. 18, 19, 36]. Они двучастные, биметаллические – железные, с кольчатými серебряными окончаниями. Подобные биметаллические удила хорошо известны в гуннское время у оседлых и кочевых варваров [32, с. 40, 41; 143, S. 169; 53, рис. 1,13]. Иногда их находят и на территории Империи, в частности в Северной Италии [113, fig. 9,12]. Такие удила существуют в Восточной Европе уже в позднеримское время, как об этом свидетельствуют находки 1841 г. в Аджимушкае, в той же Керчи [80, рис. 82,6,7].

Керченские удила имеют кольцевые псалии. Последние настолько широко распространены в Европе как в позднеримское время, так и в эпоху переселения народов, что всякая подборка аналогов теряет смысл. Назовем лишь параллели в гуннских древностях: Новогригорьевка погр. 8, 9, Мелитополь, Новая Маячка, Воздвиженское, Алешки-Саги, Курнаевка, Федоровка, Кызыл-Адыр, Кубей [32, табл. 1,11; 4,12; 7,7; 10,5; 11,10; 16,13,14; 30,5; 34,9; 37,20; 47,5] или Якушовице (Jakuszowice) [109, Abb. 4,1]. Также представлены стержневые псалии. В керченском склепе 6.1905 г. был обнаружен фрагмент такого

¹⁶ По мнению А. К. Амброза, подобные накладки были найдены и в Преградной на Кубани, вместе с вещами геральдического стиля, т.е. второй половины VI – VII в. [4, рис. 37,1–21]. Однако предметы не сохранились, и судить об их форме невозможно.

псалия с зооморфным окончанием [82, с. 3, 4, рис. 2] (рис. 16,3). По И. Р. Ахмедову, это т.н. боспорские зооморфные псалии, помимо Керчи они были найдены на Кубани и на Средней Оке, в последнем случае в постгуннском контексте середины V – середины VI в. [87; 8].

Держатели узды с полихромным декором у керченских удил имеют форму вытянуто-прямоугольных обойм. Держатели такой формы хорошо представлены в «княжеском» контексте гуннского времени у варваров [см., напр.: 53, рис. 2,10; 4,9,10; 5,7–10]. Они, скорее всего, восходят к сарматским и боспорским прототипам позднеримского времени [57, рис. 9,В.21,22; 10,Г.1; 12,Б.11; 13,Г.18; 80, рис. 56; 57,1,2; 82,6,7; 114,2]. Впрочем, вытянуто-прямоугольные зажимы имеют и позднеримские параллели [см., напр.: 116, fig. 3,20].

Металлические элементы конской сбруи. К их числу относятся керченские находки: серебряные секировидные подвески из склепов 24 июня 1904 г. (рис. 18,3,4,7) [31, с. 56, 57, № 161, 163, 165, табл. 36], серебряные позолоченные подвески в виде рыбьего хвоста, также из склепов 24 июня 1904 г. (рис. 18,1,2) [31, с. 66, № 162, табл. 36], бронзовые пирамидальные колокольчики-подвески из тайника погр. 145.1904 г., из склепов 24 июня 1904 г. и из погр. 5 в склепе 165.1904 г. (рис. 18,12–20) [31, с. 49, 67, 84, № 63, 169, 293, табл. 19, 36, 54], серебряные гладкие наконечники с секировидным окончанием из тайника погр. 145.1904 г. (рис. 18,11) [31, с. 48, № 56а, табл. 18], серебряные ромбические гладкие накладки (рис. 18,5,10) [31, с. 48, № 56б, 164, табл. 18, 36]. Эти наконечники и накладки имеют аналоги в погребениях и кладах гуннского времени, таких как Унтерзибенбрунн (Untersibenbrunn) [130, № 9, 21; 53, рис. 3,1,4], Кошовени (Coşoveni) [130, № 9, 21; Tejral, 2011, Abb. 128; 53, рис. 6,5–8], Качин [143, Abb. 127,1–3,5,6; 53, рис. 5,1–3,5,6], так и на территории римских провинций [см., напр.: 53, рис. 10]. Колокольчики-подвески также встречены в контексте гуннского времени, например, в Волниковке [15, с. 166–169, кат. 280–283].

К числу накладок конского убора относится четырехконечный соединитель ремней с полихромным декором, происходящий из Керчи (рис. 18,9) [101, № 100, Abb. 183, 184]. Четырехконечные бляхи известны в конском уборе некоторых памятников гуннского времени Восточной и Центральной Европы, таких как Брут [21, рис. 31], Волниковка [15, с. 160–162, кат. 271–274], Якушовице (Jakuszowice) [109, Abb. 2,2,3], а также Скандинавии [53, рис. 1,1–3] и Западной Европы [53, рис. 8,5].

Необходимо упомянуть и сегментовидные сбруйные накладки постгуннского времени. Одна из них происходит из Керчи, но её контекст неизвестен (рис. 18,8) [136, Abb. 269а; 119, fig. 8,3]. Эти аппликации вытянуто-полукруглой формы, часто украшенные гранатовыми (и стеклянными?) вставками и в ряде случаев с декором в виде поперечного рифления на нижнем крае, также являются показательными для памятников Северного Кавказа постгуннского времени. Кроме Керчи они известны в Юго-Западном Крыму, на Северном Кавказе и на Средней Оке [48, с. 357].

Костюм

«Воинский» престижный костюм боспорской знати в эпоху Великого переселения народов может быть предположительно реконструирован, в первую очередь, по погребальным находкам, с привлечением синхронных материалов из Римской империи и Барбарикума. К сожалению, практически все престижные мужские вещи происходят из разграбленных могил, поэтому мы можем назвать лишь основные категории, входящие в состав престижного убора знатных боспорян. Сразу же отметим отсутствие двух важных элементов в этом уборе, хорошо представленных у ромеев и у варваров. Это, во-первых, крестообразные фибулы высших римских функционеров, вроде тех, что мы видим на диптихе из Монцы 396 г., возможно изображавшем Стилихона [см., напр.: 122, fig. 1,15], известных нам также по находкам в Апахиде, Блучине и Турнэ (могила Хильдерика) [130, № 30,1; 33,8; 37,1; 89, Abb. 14; 137, Taf. 1,1]¹⁷. Во-вторых, это массивные золотые брасле-

¹⁷ При этом, подобные фибулы, но принадлежавшие служащим более низкого ранга, известны на Боспоре Киммерийском, см. напр.: [61, рис. 4,1].

ты с расширенными концами, считающимися королевскими инсигниями у варваров [14], хорошо представленные в «вождеских» погребениях [см., напр.: 130, № 4,2; 11,1; 15,5; 27,1; 34,1]. Они есть в Керчи [106, S. 108, № I.14.с], но при этом ни разу здесь не встречены в контексте эпохи Великого переселения народов.

Золотые гривны. Золотые гривны в гуннское и постгуннское время довольно широко распространены в Барбарикуме, они встречены, прежде всего, в мужских, но иногда и в женских погребениях, как у кочевников, так и у оседлых варваров [143, S. 195–199; 124]. При этом золотые гривны попадают только в захоронения высокого социального ранга, как правило, с парадными мечами, а зачастую и с предметами конского убора [43, с. 301, 302]. Ношение гривны было принято в позднеримской / ранневизантийской армии [129], что подтверждается изображениями императорской гвардии [см., напр.: 110, fig. 172, 246, 347, 351]. Поэтому можно предположить, что у варваров речь идет об имитации престижной имперской воинской моды (рис. 19).

Всё это нам дает основания условно причислить к престижным мужским находкам золотые торки из керченских склепов 24 июня 1904 г. (рис. 20, 1–7) [31, с. 51, № 77–80, табл. 23–25]. Кроме того, золотые гривны происходят из детских погребений керченского склепа 165.1904 г. Это погр. 2 с двумя бусинами (рис. 20, 8) [31, с. 81, № 276, табл. 55] и погр. 7 с бронзовым браслетом (рис. 20, 9) [31, с. 84, № 299, табл. 55]. Без антропологического изучения сложно сказать, принадлежали ли эти погребения мальчикам, где погребальный инвентарь частично имитирует «взрослый» убор, или же девочкам, и в этом случае наша атрибуция гривен должна быть отвергнута. Наконец, одна витая гривна, отнесенная к V в., происходит с Тамани (рис. 20, 10) [101, S. 130, Kat. 41, Abb. 84, 85].

Керченские гривны делятся на три типа:

1. Шарнирные гривны с расширенными концами, украшенными зооморфными изображениями со вставками гранатов, общая длина 51,5 см (склепы 24 июня 1904 г.) (рис. 20, 1).

2. Гладкие гривны. Выделяется три варианта:

а) с замком в виде напаянного кольца и загнутым концом в виде крючка с конической шляпкой, общая длина гривен – от 31,3 до 46 см (3 экз.; склепы 24 июня 1904 г. и погр. 2 склепа 165.1904 г.) (рис. 20, 6–8);

б) с замком в виде напаянных кольца и петли, общая длина гривен – от 32,8 до 47,8 см; один из торков имеет проволочную обмотку у окончаний (3 экз.; склепы 24 июня 1904 г. и погр. 7 склепа 165.1904 г.) (рис. 20, 2, 3, 9);

в) с замком в виде концов торка, загнутых в крючок и петлю и обвитых вокруг стержня гривны в два оборота, общая длина гривны 38,2 см (1 экз.; склепы 24 июня 1904 г.) (рис. 20, 4).

3. Тордированные гривны. Они сделаны из перекрученного стержня и имеют замок в виде концов торка, загнутых в крючок и петлю и обвитых вокруг стержня гривны в два оборота, или же в виде крючка со шляпкой на одном конце и пластинчатого кольца на другой, длина гривен 38,8 и 35 см (2 экз.; склепы 24 июня 1904 г. и Тамань) (рис. 20, 5, 10).

Гривны с крючком и петлей засвидетельствованы в мужских «вождеских» погребениях эпохи Великого переселения народов, как витые (Алешки-Кучугуры, Концешти) [32, табл. 15,9; 79, илл. 97, 98]¹⁸, так и гладкие стрежневые, например, Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós), Новая Маячка, Бржиза (Břiza), Унтерзибенбрунн (Unterziebenbrunn), Пуан (Pouan), Кестхей (Keszthely-Ziegelei) (детское погребение), Паники (принадлежность погребения не ясна) [88, Taf. XVII,20; 32, табл. 10,1; 130, № 8,1; 9,1; 27,1; 143, Abb. 102,1; 119,2; 149; 150; 58, рис. 15].

Ременная гарнитура. Элементы ременной гарнитуры – пряжки, накладки, обоймицы, наконечники ремней и пр. – встречены в большом количестве в погребениях Боспора Киммерийского гуннского и постгуннского времени, подробно они изучались для Азиатского Боспора [71; 72; 20], а на общем крымском фоне рассмотрены А. И. Айбабиным [2, с. 27–29, 50–52]. Очень часто элементы гарнитуры сделаны из золота или позолочены, с

¹⁸ Стоит вспомнить и бронзовые витые гривны, обнаруженные в «воинских» погребениях конца IV – начала V в., таких как Майнц-Костхайм (Mainz-Kostheim) [91, Taf. 100,9].

декором в виде перегородчатой инкрустации. При этом, если вещи не обнаружены *in situ*, далеко не всегда удается определить, к какой гарнитуре они имеют отношение: поясной, обувной, портупейной или же конской. Из всего многообразия боспорских предметов, с большей или меньшей долей вероятности, к мужскому престижному костюму можно отнести лишь т.н. хоботковые пряжки и наконечники ременной гарнитуры. Впрочем, последние могут принадлежать и конскому убору. Однако недавние боспорские находки в надежном контексте, такие как в склепе 315.2019 г. Фанагории, позволяют уверенно относить ременные наконечники к воинскому костюму [20, с. 291, 293, рис. 4,1,2].

Очень многочисленны малые и средних размеров пряжки с длинным, сужающимся к концу и загнутым вниз язычком, округлым в сечении, так называемые хоботковые [о них см.: 115, р. 121–123, fig. 9; 143, S. 209, 210]. Они имеют округлое, реже овальное кольцо, иногда слегка подграненное, утолщенное в сечении в передней части, щиток, как правило, округлый или прямоугольный¹⁹. Многие пряжки найдены без щитка, у других сохранился щиток округлой, прямоугольной, реже ромбической форм. Щитки инкрустированных пряжек чаще всего коробчатые, в то время как у пряжек без декора они сделаны из одной или двух пластин. Коробчатые щитки имеют в ряде случаев напаянные шаровидные протуберанцы, щитки неорнаментированных пряжек часто имеют заклепку в центральной части [100, р. 133–135, fig. 144, 146; 143, р. 209, 210]. Пряжки с декором в стиле *cloisonné* хорошо представлены в «княжеском» контексте варварской Европы [130, № 7,5,6,8; 9,15; 11,2–4; 15,6–8; 18,11; 19,7,8]. Особая концентрация пряжек с декором в стиле перегородчатой инкрустации наблюдается в римских провинциях Среднего Дуная и в Северном Причерноморье [115, fig. 9; 100, fig. 146; 98, Abb. 4; 143, Abb. 307], где, возможно, и находились производившие их мастерские.

С высокой долей вероятности, к мужскому убору могут быть отнесены типичные для привилегированных «воинских» могил²⁰ золотые пряжки с перегородчатой инкрустацией²¹ [71, с. 309]: из погребения Фонтал²² на Тамани (рис. 21,1) [65, с. 109, рис. 220; 146, Taf. 39,27], из керченского погр. 11.1899 г. (рис. 21,2) [31, с. 40, № 9, табл. 11], из склепов 24 июня 1904 г. в Керчи (рис. 21,3–10) [31, с. 57, 58, № 105, 106, 107, табл. 26; вероятно: 101, № № 11, 12, 14, Abb. 29–32, 35, 36], а также пряжки из керченского некрополя, точное происхождение которых неизвестно (рис. 21,11–14) [125, р. 241, № 122.6; 31, с. 93, 94, № 378, 379, табл. 64; 90, № 70, pl. 23], в том числе с горы Митридат (рис. 21,15) [105, р. 52, № 146, pl. XIII,98], а также с Тамани (рис. 21,17–22) [101, № 82–86, Abb. 147–156]. Показательной является находка из мужского захоронения в керченском склепе 11.1899 г., где золотая пряжка находилась на поясе мужчины, погребенного с мечом и копьем [26, с. 83]. Бронзовая инкрустированная пряжка того же типа, явно имитирующая более дорогие изделия, была обнаружена и на поясе погребенного в склепе 34.2005 г. в Восточном некрополе Фанагории (рис. 21,16). Здесь захоронение сопровождалось копьем, что указывает на его «воинский» характер [60, с. 176–181].

Особо стоит отметить инкрустированные пряжки с большой округлой рамкой, где декором в стиле перегородчатой инкрустации украшены как щиток, так и рамка. Они найдены в Керчи, в погр. 24.06.1904 г. [31, с. 58, № 108, табл. 26] (рис. 21,22,23), а также в погребениях Бежа (Вежа) на территории Португалии [133, fig. a, b] и Волниковка в Курской области [15, с. 38–41, Кат. 2, 3]. Близка им и пряжка с инкрустированной рамкой из погр. 10 могильника Лермонтовская Скала-2 в Пятигорье. Она отличается наличием на

¹⁹ О пряжках с прямоугольным щитком см.: [138, S. 95, Karte 8, Fundliste 2].

²⁰ В отдельных случаях такие пряжки попадают и в женские могилы, например, у вандалов в Северной Африке, в Кудиат-Затер (Koudiat Zateur) [96, Cat. IV.8].

²¹ Мы не включили в наш обзор пряжки с удлиненным прямоугольным щитком, простым геометрическим декором в стиле перегородчатой инкрустации и язычком, слабо выступающим за утолщенное спереди кольцо, из тайника склепа 145.1904 г. [31, табл. 13,26] и из склепов 24.6.1904 г. [31, табл. 26,193], поскольку по форме рамки и язычка они, скорее всего, относятся к предшествующему времени, вероятно, периода СЗ (300/320–350/370 гг.) [38, с. 279].

²² И. Вернером это погребение было ошибочно идентифицировано как «Ахтанизовская» [146, Taf. 39,27–29].

щитке выступа в виде стилизованной головы птицы [67, рис. 3,16]. Не исключено, что всё это продукция одной мастерской, или, по крайней мере, группы мастерских, работавших в одинаковой традиции. Также особое внимание привлекают и две золотые пряжки с инкрустированным декором из Новиковского склепа 1890 г., одна с треугольным щитком, украшенным кабошонами, и вторая – с зооморфным окончанием язычка [95, pl. III] (рис. 21,25,26).

Наконец, упомянем золотую пряжку с инкрустацией из Римско-Германского музея в Кёльне, якобы происходящую из керченских склепов 24 июня 1904 г. Её размеры 3,4x2,1 см, вес 31,84 г. Пряжка имеет округлый щиток, украшенный почковидной гранатовой пластиной с резным декором в виде двух волнот, округлую, слегка утолщенную спереди рамку и «хоботковидный», т.е. выступающий за рамку и загнутый вниз язычок (рис. 21,31) [101, S. 97, 98, Abb. 13, 14, Kat. 5]. Пряжки подобной формы с инкрустированным декором на щитке широко распространяются в Европе с конца IV – начала V в. По общей морфологии и по почковидной форме гранатовой вставки керченская пряжка напоминает изделия из гуннского «ритуального» захоронения предметов в Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) и из могилы франкского короля Хильдерика, умершего в 482 г. и погребенного в Турнэ [подробнее: 54, там же библиография находок].

Малые инкрустированные пряжки с овальными кольцом и щитком, вероятно, от обувной гарнитуры, найдены в склепе 1896 г. на Глинище, в погребении с мечом (рис. 21,27,28) [84, с. 4, табл. I,11,12]²³. Близкие пряжки есть и в «княжеских» погребениях Барбарикума [см., напр.: 130, № 19,7].

Золотые пряжки с овальным кольцом и овальным инкрустированным щитком, вероятно, от обувной гарнитуры, также были обнаружены в склепе у Тарханской дороги в 1914 г. (рис. 21,29,31) [31, с. 91, № 355, табл. 61]. Они имеют довольно архаическую форму, типичную для IV в. [ср.: 57, рис. 12,М.1], как и найденные там же двучастные наконечники ремней (см. ниже), видимо, составлявшие одну обувную гарнитуру. Неясно, было ли это мужским или женским захоронением.

Мужскому костюму принадлежат и серебряные неорнаментированные хоботковые пряжки с округлыми, прямоугольным, ромбическими и пятиугольными щитками. В целом, такие ременные гарнитуры могут быть отнесены к престижным условно, поскольку они имеют довольно широкое распространение. Кроме того, такие вещи попадают в женские и детские погребения, что не позволяет связать их только с мужским «воинским» костюмом. Здесь мы привлекаем, в качестве примера, лишь некоторые, наиболее показательные находки из могил с мечами и скрамасаксами, что говорит о «воинском» характере данных захоронений. Гладкие неорнаментированные пряжки были найдены в Фанагории – погр. 2 в Восточной камере и погр. 1 в Западной камере гробницы 50.1937 г. (с мечами) (рис. 22,1–3) [73, рис. 1,3,4,8–12; 74, рис. 3,6; 7,4; 75, рис. 2,9; 3,12,13,15]; в погр. 5 керченского склепа 165.1904 г. (с мечом) (рис. 22,4–8) [31, с. 83, 84, № 289–291, табл. 54]; от пояса (рис. 22,4,6) и обувной гарнитуры (рис. 22,7,8) в склепе 179.1904 г., погр. 7 (с мечом) [82, с. 56; 70, рис. 5,1]²⁴; в склепе 11.2001 г. на горе Митридат, где также был найден обломок клинка с вырезами у рукояти²⁵ (рис. 22,26) [35, рис. 1]. Эти погребения должны быть отнесены к категории IIb по схеме Ф. Бирбрауера, наиболее богатые из них занимают пограничное положение между категориями IIb и Ia (см. выше).

В уже упоминавшемся захоронении «воина» в склепе 34.2005 Восточного некрополя Фанагории, бронзовые пряжки с прямоугольным щитком были найдены как в районе пояса, так и на ногах погребенного, где им сопутствовал ременной соединитель-тройник. Вероятно, он вместе с пряжками принадлежал обувной гарнитуры покойного [60, с. 176;

²³ Вероятно, из того же погребения происходит и неорнаментированная пряжка с большим овальным кольцом и овальным щитком несколько меньшего размера, в тексте публикации не упомянутая [84, табл. I,17].

²⁴ К сожалению, на данном рисунке не обозначена точная привязка пряжек к конкретным погребениям, поэтому мы их здесь не приводим.

²⁵ Эти клинки здесь не рассматриваются, поскольку они не имеют престижного декора [о них см.: 42].

72], о чем могут свидетельствовать, в частности, северокавказские параллели гуннского времени [напр.: 21, рис. 9]. Подобные пряжки встречены и в некоторых других погребениях Боспора Киммерийского, но ничто не указывает на принадлежность этих захоронений мужчинам²⁶. Такие гладкие пряжки хорошо представлены в «княжеских» погребениях европейского Барбарикума [130, № 6,2; 8,4; 9,23; 14,4]. Особо стоит отметить немногочисленные параллели для пряжек с ромбическим / пятиугольным щитком, как, например, находку в Беляусе [23, рис. 4,8] или в северокавказской «воинской» могиле некрополя Березовский-2 [68, рис. 2,2]. Вероятно, к мужской ременной гарнитуре относится и гладкая неорнаментированная пряжка с овальным кольцом из погребения с мечом 1896 г. на Глинице (рис. 22,9), а также пряжки из погребения-кенотафа 16 на могильнике Джурга-Оба, в том числе с костяной рамкой (рис. 22,11,12,14) [28, рис. 2,1,5,8]. При этом надо заметить, что ременные гладкие пряжки без декора в Керчи, Фанагории и Джурга-Обе сопровождали, там, где это можно проследить, мужские погребения с клинковым оружием без инкрустированного декора. Можно предположить, что элементы гарнитуры и оружие без декора по уровню престижности были не столь значимы, как оружие и ременная гарнитура с инкрустированным декором категории Ia, и принадлежат категории Ib (см. выше).

В погр. 16 могильника Джурга-Оба имеются две небольшие пряжки с овальным или почковидным щитком с заклепкой, плоским язычком и овальной рамкой, вроде найденной на ножнах (рис. 22,10), появляются около середины V в. [28, с. 240]. Показательной параллелью является находка в привилегированной женской могиле Смолин (Smolin) в Южной Моравии [143, Abb. 279]. В целом, эти пряжки в среднедунайском регионе типичны для середины V – начала VI в., т.е. для периодов D2/D3 (430/440–460/470 гг.), D3 (450–470/480 гг.) и D3/E1 (470/480–500/510 гг.) по хронологии европейского Барбарикума [см. опорные комплексы: 142, Abb. 4,А,2,5; 4,В,4,5]. На Боспоре Киммерийском их относят к тому же времени [71, рис. 5,53]. На Среднем Дунае, если судить по находкам в погребальном контексте, такие пряжки довольно часто входят в состав обувной гарнитуры.

Наконец, необходимо отметить и большую коллекцию гладких хоботковых пряжек со щитком и без щитка из уже упоминавшегося фанагорийского склепа 315.2019 г. [20, рис. 3,6,7,10].

В состав ременной гарнитуры европейского Барбарикума входили и обоймицы с круглым кольцом и круглым или овальным, реже прямоугольным или треугольным щитком, гладким с заклепкой в центре или с инкрустированным декором, вроде найденных в Фонтале (см. выше) (рис. 22,17) [65, с. 109, рис. 221; 146, Taf. 39,28] или в Керчи (рис. 22,19,20,21) [101, S. 102, Kat. № 13, Abb. 33, 34; 2, рис. 47,2]. Более всего такие обоймицы в гуннское время распространены в Восточной и Центральной Европе [88, 15 kэр.; 146, Taf. 59,28; 91, Taf. 9,6; 130, № 7,7; 9,3; 100, fig. 149,4,6,7,10–15; 15, с. 115, kat. 154]. Во второй трети V в. (период D2/D3) такие обоймицы найдены в Галлии, в Изенаве (Izenave), в Восточном Крыму, в Сиреневой Бухте. В Дюрсо на Северо-Западном Кавказе они принадлежат постгуннскому времени, а две абхазские находки еще позднее – Шапка-Церковный Холм-4, погр. 5, со стеклянным кубком не ранее конца V в., и Шапка-Юстинианов Холм-3, погр. 1, с монетой Юстиниана [118, p. 255]. Такие обоймицы использовались как элементы поясной, обувной и портупейной гарнитуры, а также в конской узде (например, Дюрсо, конское погр. 4) и даже в гарнитуре питьевых рогов, как это демонстрирует находка в Линде (Linde) на Готланде [118, p. 253–255].

Среди накладок ременной гарнитуры, которые могут иметь отношение к костюму, следует назвать золотые луновидные аппликации, гладкие, из погребения Фонтал (рис. 22,18) [65, с. 109, рис. 219; 146, Taf. 39,29] и инкрустированные из Керчи (рис. 22,24) [101, S. 108, Kat. № 17, Abb. 42, 43], в том числе из склепов 24 июня 1904 г. (рис. 22,22,23) [31, с. 64, № 144, табл. 29]. Луновидные гладкие и декорированные накладки в конце позднеримско-

²⁶ Судя по погребальному контексту, такие пряжки попадают и в женские захоронения, как, например, в погр. 3 склепа 165.1904 г., где гладкие пряжки с прямоугольным и ромбическим щитком [31, с. 81, 82, № 278, 279, табл. 53] в захоронении сопровождалось клинковым оружием, но на плечах погребенного найдены две дуопластинчатые фибулы, что характерно только для женского костюма.

го времени и в эпоху Великого переселения народов отмечены в Крыму, в Дружном [143, Abb. 217,12–14], в понтийской степи, в частности в Кантемировке [143, Abb. 217,5–7] и в Танаисе (Синявка) [5, табл. 86,1080–1083; 143, Abb. 221,3,4], на Северном Кавказе в могильниках Брут [21, рис. 22,2,7,8; 43,4] и Гиляч [149, рис. 5,6,7], а также в Центральной Европе в Якушовице [109, Abb. 3,7,8]. В фанагорийском склепе 315.2019 г. луновидные аппликации были обнаружены в погребении воина с мечом (гроб 2), в составе обувной гарнитуры [20, с. 291, 293, рис. 4,3,4].

Необходимо вспомнить и происходящую якобы из Керчи золотую почковидную пластину с гранатовой вставкой, с резным спиралевидным декором на камне (рис. 22,25) [101, № 113, Abb. 214, 215]. Спиралевидный декор типичен для украшений постгуннского времени в Центральной и Восточной Европе [54, там же библиография]. Почковидные накладные бляхи известны в Крыму в Нейзаце, погребении Шамси в Киргизии. Стоит упомянуть и почкообразные накладки на ремень, обнаруженные в погр. 4 (раскопки В. Б. Ковалевской) аланского могильника Мокрая Балка в Пятигорье, относящиеся к постгуннскому (шиповскому) горизонту. В составе конского снаряжения почковидные инкрустированные бляхи найдены в Цебельде, под стенами крепости [54, с. 87, 88, там же библиография].

Среди ременных наконечников выделяется несколько типов. Видимо, наиболее ранними, если судить по сарматским параллелям IV в. [ср.: 57, рис. 12,Б.5–9,Е.5,3.2,К], являются золотые двучастные наконечники с секировидной подвеской, с инкрустированным декором (рис. 23,1,2), найденные в Керчи, в склепе на Тарханской дороге 1914 г. [31, с. 91, № 357, табл. 61]. Они найдены вместе с небольшими пряжками стиля *cloisonné* (рис. 23,29,30) и, вероятно, составляли с ними единую (обувную?) гарнитуру (см. выше).

Язычковидные наконечники вытянутой формы иногда имеют декор в виде перегородчатой инкрустации. Такие золотые предметы происходят из керченских склепов 24 июня 1904 г. (рис. 23,3–9) [31, с. 60, № 125, табл. 27; 101, S. 95, 96, Кат. № 2, 3, Abb. 6–9]. Однако чаще встречаются гладкие, без декора наконечники, золотые и серебряные позолоченные, с двумя продольными фасетками. Они известны в Фанагории – в гробнице 50.1937 г., в погр. 1 Западной камеры (рис. 23,26) [73, рис. 1,13; 74, рис. 3,7; 75, рис. 3,18], в склепе 316.2019 г. [20, с. 291, 293, рис. 4,1,2]; в Керчи в тайнике склепа 145.1904 г. (рис. 23,16–24) [31, с. 44, № 33, табл. 13], в двух гробницах, разграбленных 24 июня 1904 г. (рис. 23,10–15) [31, с. 60, 61, № 126, 127, табл. 27]; а также как находки вне контекста, хранящиеся ныне в Британском музее (рис. 23,25) [106, S. 108, № I,14.b].

Для наконечников с декором *cloisonné* сложно подобрать близкие параллели. В качестве отдаленных аналогов можно назвать находки из Сегеда-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) [100, fig. 167] и из Брута-1 курган 2 [21, рис. 56,2; 58,6].

Фасетированные гладкие наконечники в конце позднеримской эпохи и в гуннское время распространены довольно широко. Больше всего их в Восточной Европе, как у кочевников (Алешки-Кучугуры на Нижнем Днепре, Солончанка на Южном Урале), так и у оседлых народов, в том числе у волжских финнов, в Восточном Крыму, в бассейне Вислы [118, р. 255, 256], а также в Юго-Западном Крыму [16, с. 155, 156, рис. 9,2; 143, Abb. 217,15,16; 219,1–3]. Язычковидные наконечники имеют прототипы в алано-сарматских древностях II–III вв. [см., напр.: 57, рис. 4,Г.7; 6,В.7]. Начиная с середины IV в., форма наконечников становится более вытянутой. Позднее, в гуннское время, появляются наконечники небольших размеров с поперечным линейным декором в верхней части [118, р. 255]. Функциональное назначение язычковидных наконечников различно. В основном они входили в состав обувной гарнитуры или поясов. Нередко эти наконечники находят вместе с обоймицами (см. выше), например, в Мундольсхайме. В погребениях Брута наконечники сопровождалась малыми пряжками. Видимо, эти два элемента составляли единую гарнитуру.

Золотые и серебряные прямоугольные наконечники с валиком на конце, гладкие и с инкрустированным декором найдены в Керчи, в тайнике склепа 145.1904 г. (рис. 23,29,30) [31, с. 44, № 34, табл. 13], в склепах 24 июня 1904 г. (рис. 23,36–43) [31, с. 61, № 128, 129,

табл. 28; 101, S. 99, Kat. N° 9, Abb. 24–27], в склепе 175.1904 г. («первичное захоронение») (рис. 23,32–35) [31, с. 87, № 322, табл. 57] и в склепе 1914 г. на Тарханской дороге (рис. 23,31) [31, с. 91, № 358, табл. 61]. Такие наконечники в степном контексте на Урале [32, табл. 43,4] отмечены уже в IV в. [подробнее о датировке: 37, с. 243]. Известны они в степных погребениях и в гуннское время, например, в погребении Федоровка на Волге [32, табл. 34,11]. Встречаются они в гуннское время и на территории оседлых варваров [напр.: 15, с. 171, 176–178, кат. 290, 300–303]. В постгуннское время такие наконечники есть в Алтынказган в Казахстане [7, рис. 15,7–11], в могиле Хильдерика в Турнэ [89, Abb. 1; 137, Taf. 7,8] и в Апахиде [112, Taf. 63,10–12,30]. Эти наконечники могут входить в состав поясной / обувной гарнитуры или же принадлежать конской сбруе. Они имеют как позднеримские [многочисленные примеры: 141], так и позднесарматские прототипы [57, рис. 8,А.5,6; 9,Б.7,8; 10,Б.2; 13,В.4].

Выделяются прямоугольные наконечники вытянутой формы, загнутые и/или имеющие на конце валик. Они имеют в верхней части пластины разрез для закрепления ремня. Такие наконечники найдены в Фанагории в гробнице 50.1937 г., в гробу 2 Восточной камеры (рис. 23,27,28) [74, рис. 3,8,9; 75, рис. 2,10,11]. Они также представлены в Волниковке [напр.: 15, с. 157–159, кат. 266–270], Синявке, Унтерзибенбрунне [143, Abb. 167,4–6; 254,14,19]. Похожие ременные наконечники найдены также в Ксизово 17А, Заморском, Чане (Сапа), Бюргхофе (Bürghöfe) и на других памятниках от Камы до Рейна [138, Karte 9, Fundliste 3]. Близкие, но более богато декорированные коробчатые наконечники поясов найдены в погребении Якушовице (Jakuszowice) в Южной Польше [126, s. 164, табл. 25]. Наконечник с загнутым концом из римской крепости Майнц (Mainz-Kastel)²⁷ был найден в составе клада с монетами 408–411 гг. [140, Taf. 44,7, Abb. 2,74; 138, S. 96–100, Taf. 2,14], что определяет абсолютную дату этого типа наконечников.

Наконец, упомянем наконечники с серповидным окончанием, найденные в Керчи на горе Митридат, в уже упоминавшемся склепе 11.2001 г. (рис. 23,45) [35, рис. 1]. Они представлены в эпоху Великого переселения народов также на Северном Кавказе – в могильнике Брут [21, рис. 30,2,4], где они отнесены к конской узде; в «княжеском» погребении Ираги [1, рис. 49,11]; в могильнике Паласа-Сырт [57, рис. 13,Ж.1].

* * *

Подведем некоторые итоги. В целом, «парадная» паноплия позднебоспорской знати, а также конское снаряжение и престижный «воинский» костюм находят параллели как в Империи, так и в Барбарикуме. При этом в уборе отсутствуют такие знаковые предметы как Т-образные фибулы высших римских функционеров и варварские «королевские» золотые браслеты с расширенными концами. Зато присутствуют такие одинаково понятные как ромеям, так и варварам символы, как изображение орла. В целом, на Боспоре Киммерийском в воинской аристократической культуре эпохи Великого переселения народов прослеживаются две традиции, связанные с великими державами древности – римско-византийская и иранская, причем первая по количеству находок доминирует.

Как известно, богатое престижное оружие изготовлялось на заказ или же поступало как военная добыча. Кроме того, «парадное» вооружение и конское снаряжение входили в состав дипломатических даров, а также использовались во время символической инвеституры варварских «царей» [см. подробнее: 33, с. 96]. Насколько можно судить по сообщениям древних авторов, сфера военно-политического влияния Восточной Римской империи в понто-кавказских степях распространялась очень далеко, вплоть до территории гуннов-савир, населявших Северо-Восточный Кавказ [см.: 6, с. 71]. В то же время, политическое и, соответственно, военное влияние сасанидского Ирана засвидетельствовано письменными источниками, в первую очередь, для Кавказа [см. подробнее: 6, с. 61, 70–74], где оно подтверждается и яркими находками престижного вооружения [примеры см.: 21; 46]. Таким образом, Боспор Киммерийский оказался как бы на перекрестке этих двух воинских традиций великих держав древности.

²⁷ В научную литературу этот клад вошел как происходящий из Висбадена (Wiesbaden), см.: [138, S. 1].

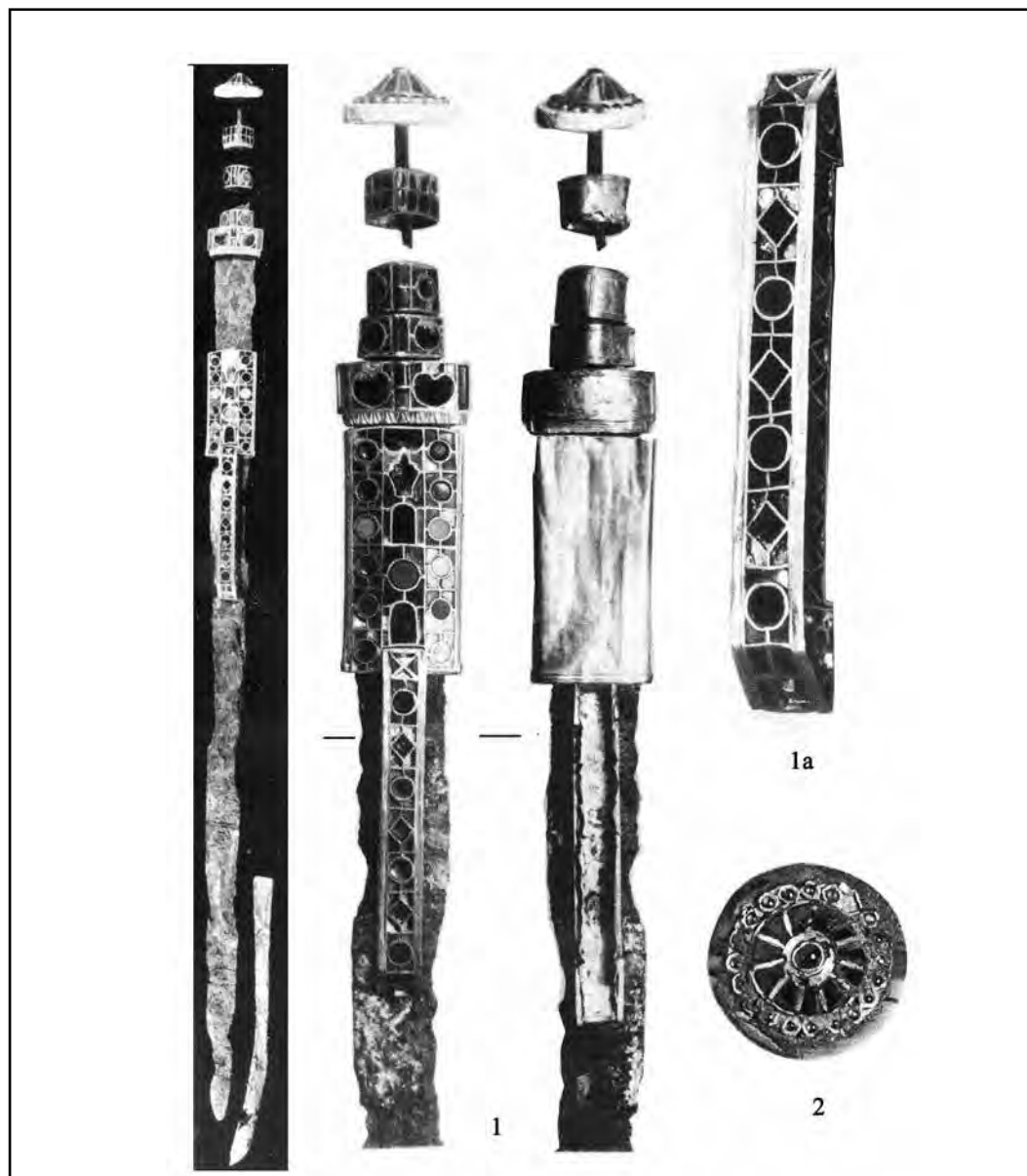

Рис. 1. Меч (1) и навершие (2) из керченских склепов 24 июня 1904 г.
[по: 31, табл. 28,130; 29,135]

Fig. 1. Sword (1) and pommel (2) from the burial vaults in Kerch uncovered on June 24, 1904
[according to: 31, табл. 28.130; 29.135]

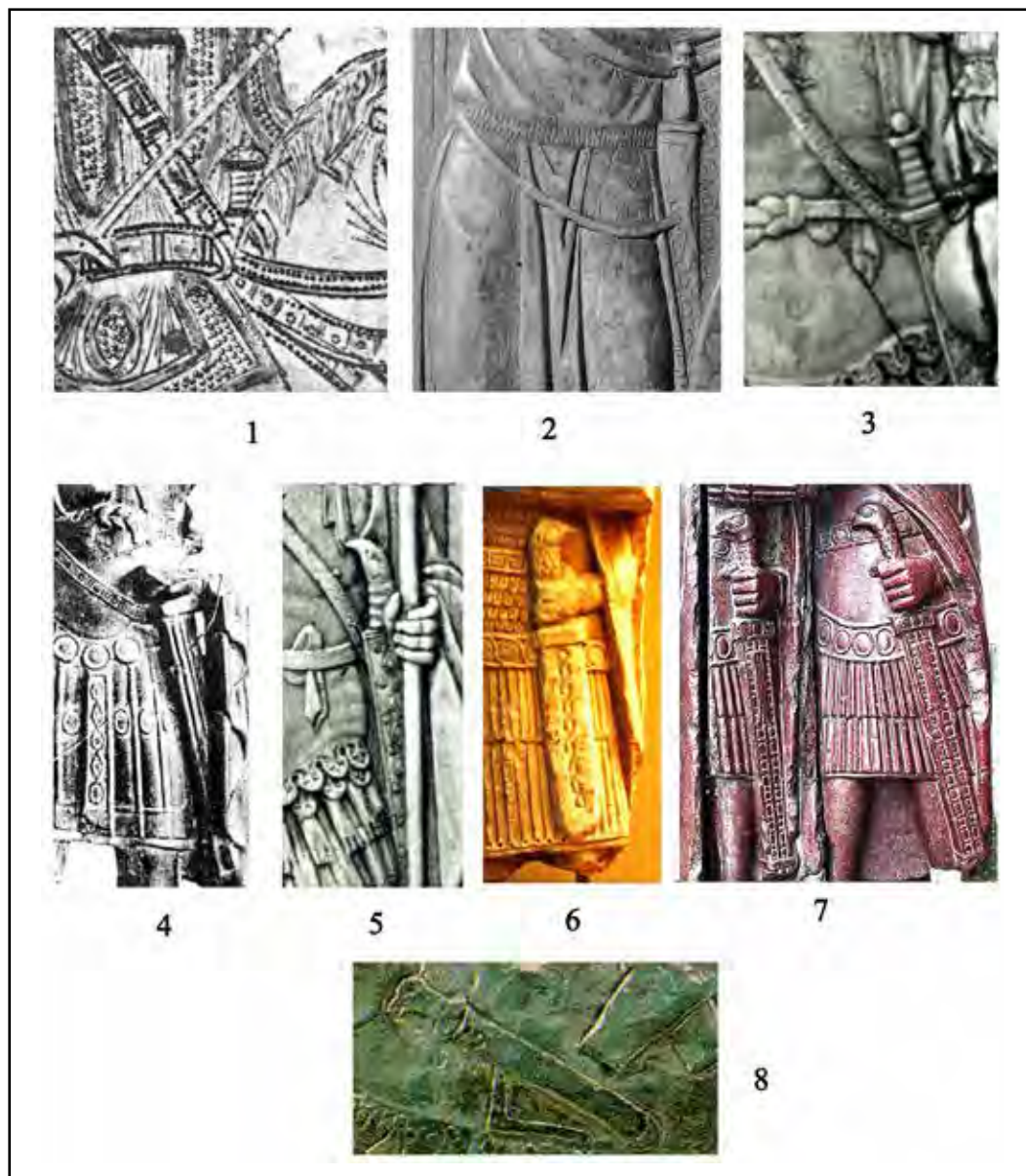

Рис. 2. Изображения позднеримского клинкового оружия [по: 52, рис. 2]

- 1 – Керчь, Гордиковский склеп; 2 – консульский диптих из Монцы (вероятно, Стилихон);
 3, 5 – консульский диптих Проба Аниция; 4 – статуя императора из Турина;
 6 – статуя из Константинополя / Стамбул-Едикуле (Стамбул, Археологический музей, № 1094E);
 7 – Статуя тетрархов из Венеции; 8 – Авиньон, «чаша Брисейды»

Fig. 2. Images of the Late Roman bladed weapons [according to: 52, рис. 2]

- 1 – Kerch, Gordikov burial vault; 2 – consular diptych from Monza (probably showing Stilicho);
 3, 5 – consular diptych of Probus Anicius; 4 – statue of an emperor from Turin;
 6 – statue from Constantinople / Istanbul-Yedikule (Istanbul, Archaeological Museum, no. 1094E);
 7 – statue of the tetrarchs from Venice; 8 – “Briseis Cup” from Avignon

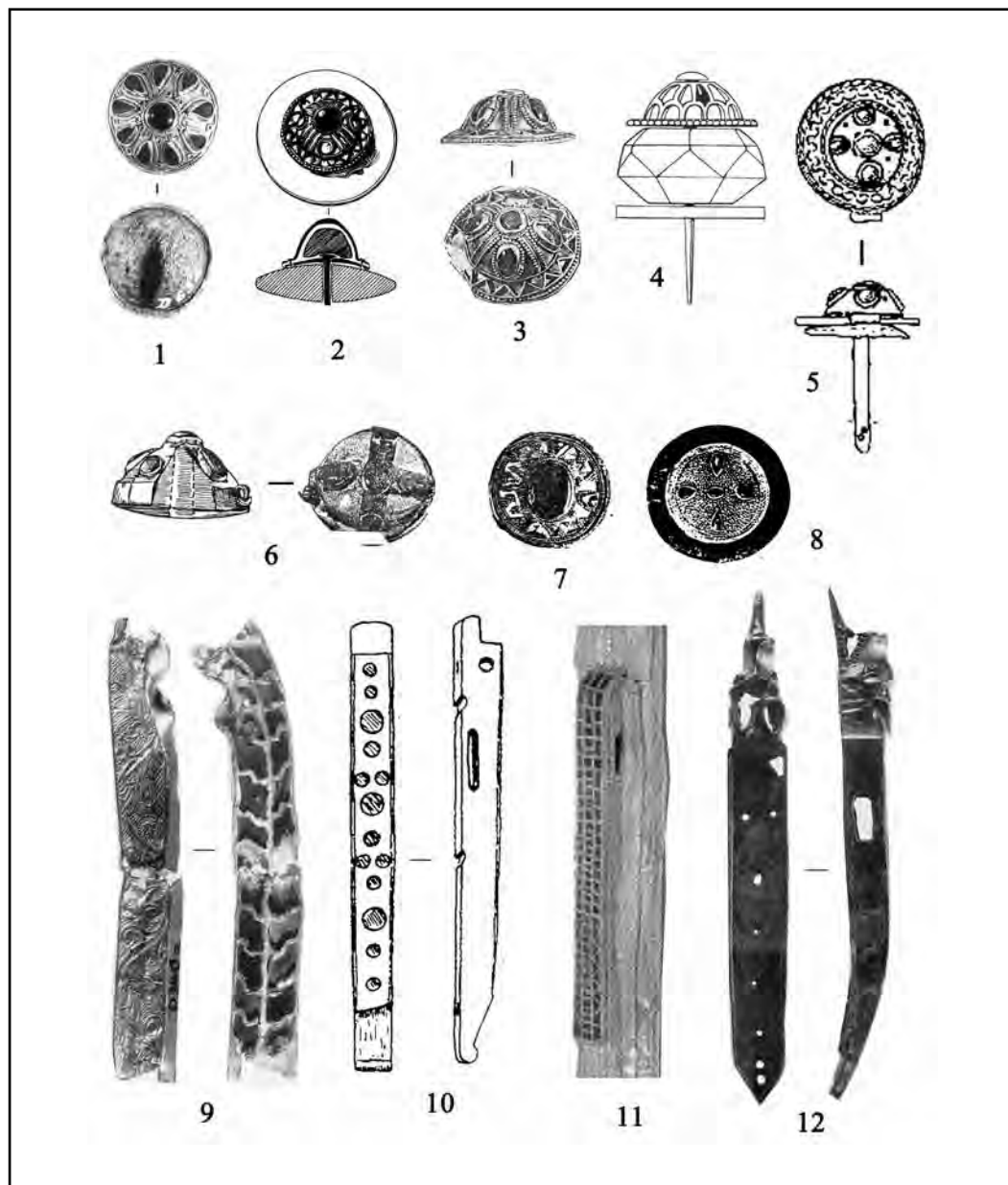

Рис. 3. Полушферические навершия мечей и португейные скобы [по: 52, рис. 3]
 1, 9 – Керчь; 2 – Брюхановский; 3 – Тугозвоново; 4 – Сопка, погр. 668;
 5 – Керчь, гробница Мессаксуди, 1918 г.; 6 – Батырь; 7 – Новокорсунская;
 8 – Усть-Лабинская; 10 – Цибиліум-1, погр. 61; 11 – Брут-1, курган 2; 12 – Альтлюсхайм

Fig. 3. Hemispherical sword pommels and belt clips [according to: 52, рис. 3]
 1, 9 – Kerch; 2 – Briukhanovskii; 3 – Tugozvonovo; 4 – Sopka, burial 668;
 5 – Kerch, Messaksudi tomb, excavated in 1918; 6 – Batyr'; 7 – Novokorsunskaja;
 8 – Ust'-Labinska'a; 10 – Tsbilium-1, burial 61; 11 – Brut-1, barrow 2; 12 – Altlusheim

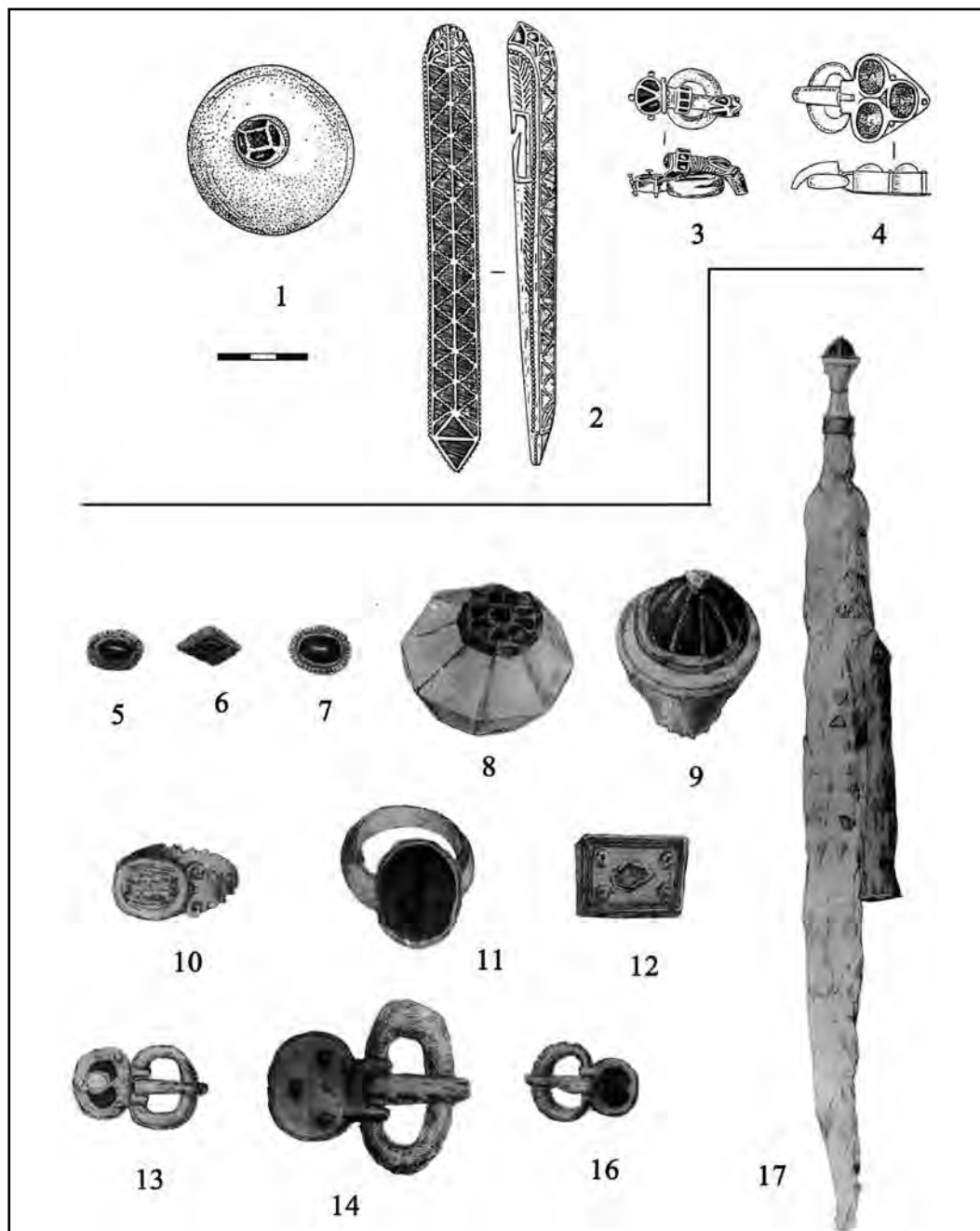

Рис. 4. Находки из Новиковского склепа 1890 г. (1–4) и из склепа 1896 г. на Глинище (5–17)

Fig. 4. Finds from the Novikov Burial Vault excavated in 1890 (1–4) and from the 1896 burial vault in Glinishche (5–17)

По / according to: 1–4 – [40, рис. 7,13–16]; 5–17 – [146, Taf. 15]

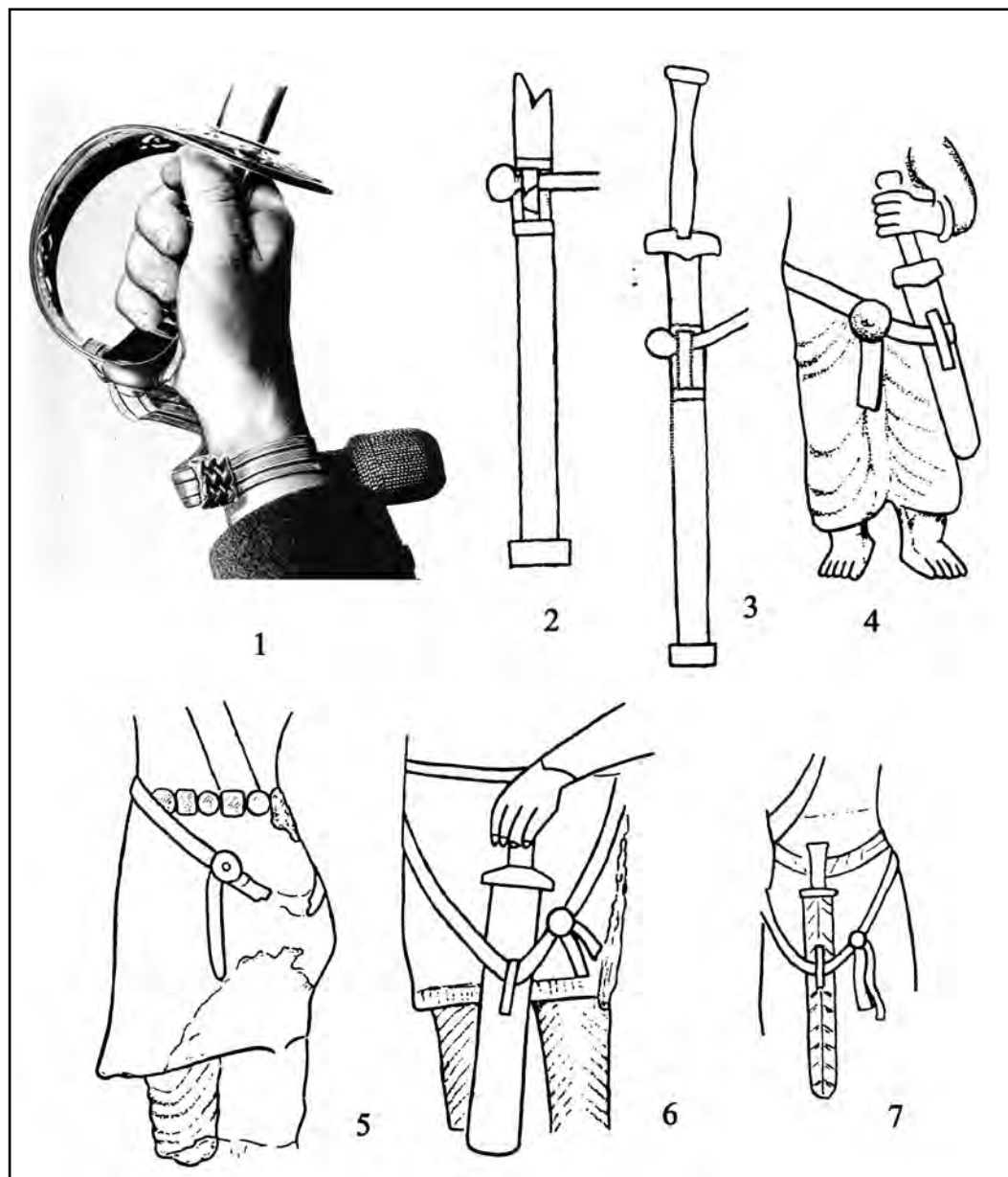

Рис. 5. Темляки (1) и фиксаторы португейных ремней на античном Среднем Востоке (2–7)
1 – вооружение шведской кавалерии 1943 г.; 2, 3 – Орлат; 4 – Шоторак;
5 – статуя кушанского царя; 6 – Хадда; 7 – Гандхара

Fig. 5. Tassels (1) and sword belt fasteners in the ancient Middle East (2–7)
1 – Swedish cavalry weapons from 1943; 2, 3 – Orlat; 4 – Shotorak; 5 – Kushan king statue;
6 – Hadda; 7 – Gandhara

По / according to: 1 – [111, fig. 23]; 2–7 – [12, рис. 7,11,12,14–17]

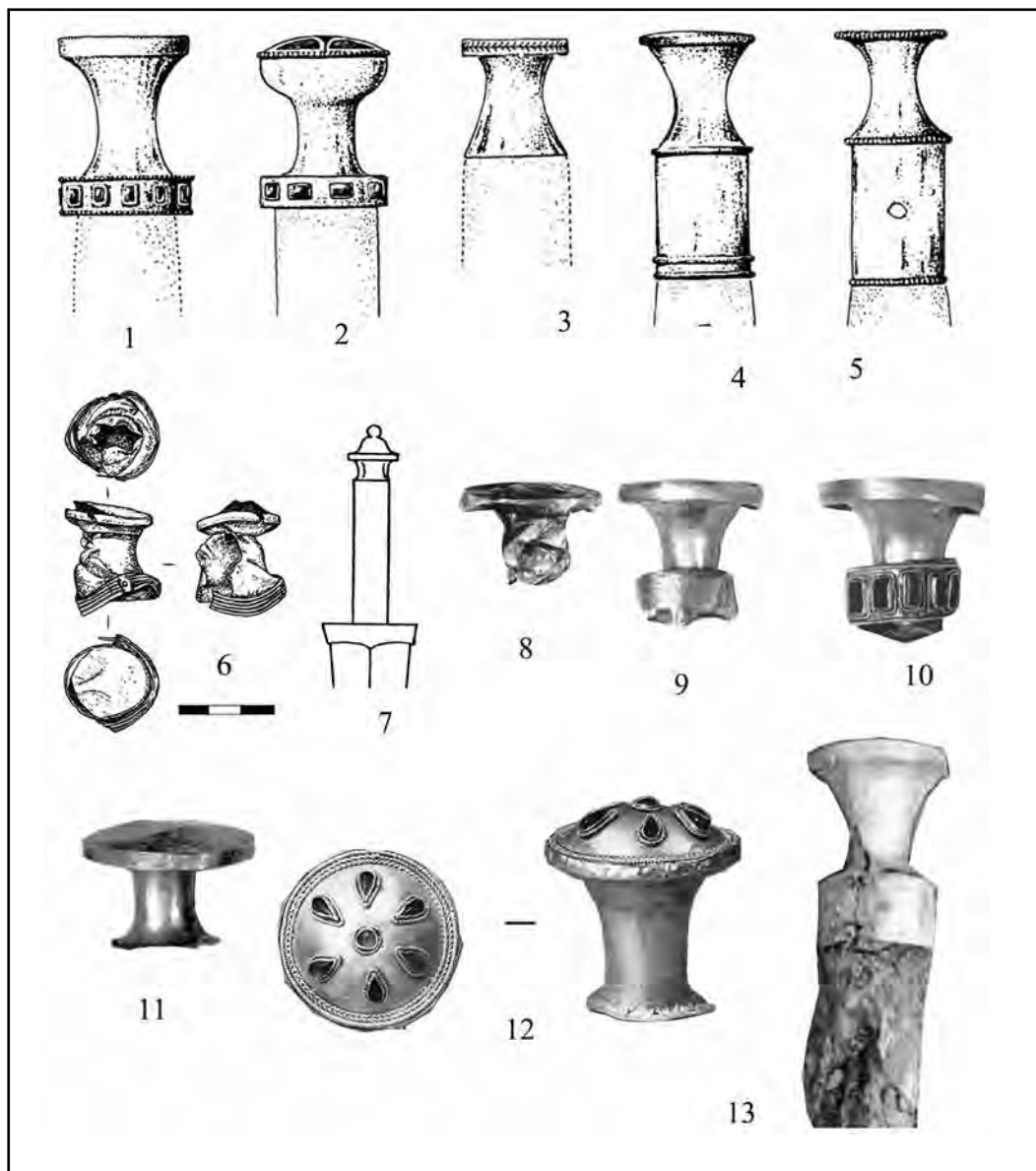

Рис. 6. Навершия рукоятей мечей «иранского» типа

1 – Совхоз Калинина; 2 – Цибиліум; 3, 8–10 – Керчь, склеп 145.1904 г.; 4 – Тураево, курган 5;
5 – Муслимово; 6 – Волчьі Ворота; 7 – Пальмира, изображение 229 г.;
11 – Керчь, склеп 1914 г. у Тарханской дороги; 12 – Тамань; 13 – Фанагорія, склеп 315.2019 г.

Fig. 6. Pommels of “Iranian” type swords

1 – Sovkhoz Kalinina; 2 – Tsibilium; 3, 8–10 – Kerch, burial vault 145.1904; 4 – Turaevo, barrow 5;
5 – Musliumovo; 6 – Volch'i Vorota; 7 – Palmyra, drawing from 229 AD;
11 – Kerch, 1914 burial vault at the Tarkhan road; 12 – Taman; 13 – Phanagoria, vault 315.2019

По / according to: 1–7 – [46, рис. 4]; 8–10 – [31, табл. 17,47а-в];
11 – [31, табл. 62,36,46]; 12 – [101, Abb. 189, 190]; 13 – [19, рис. 2,2]

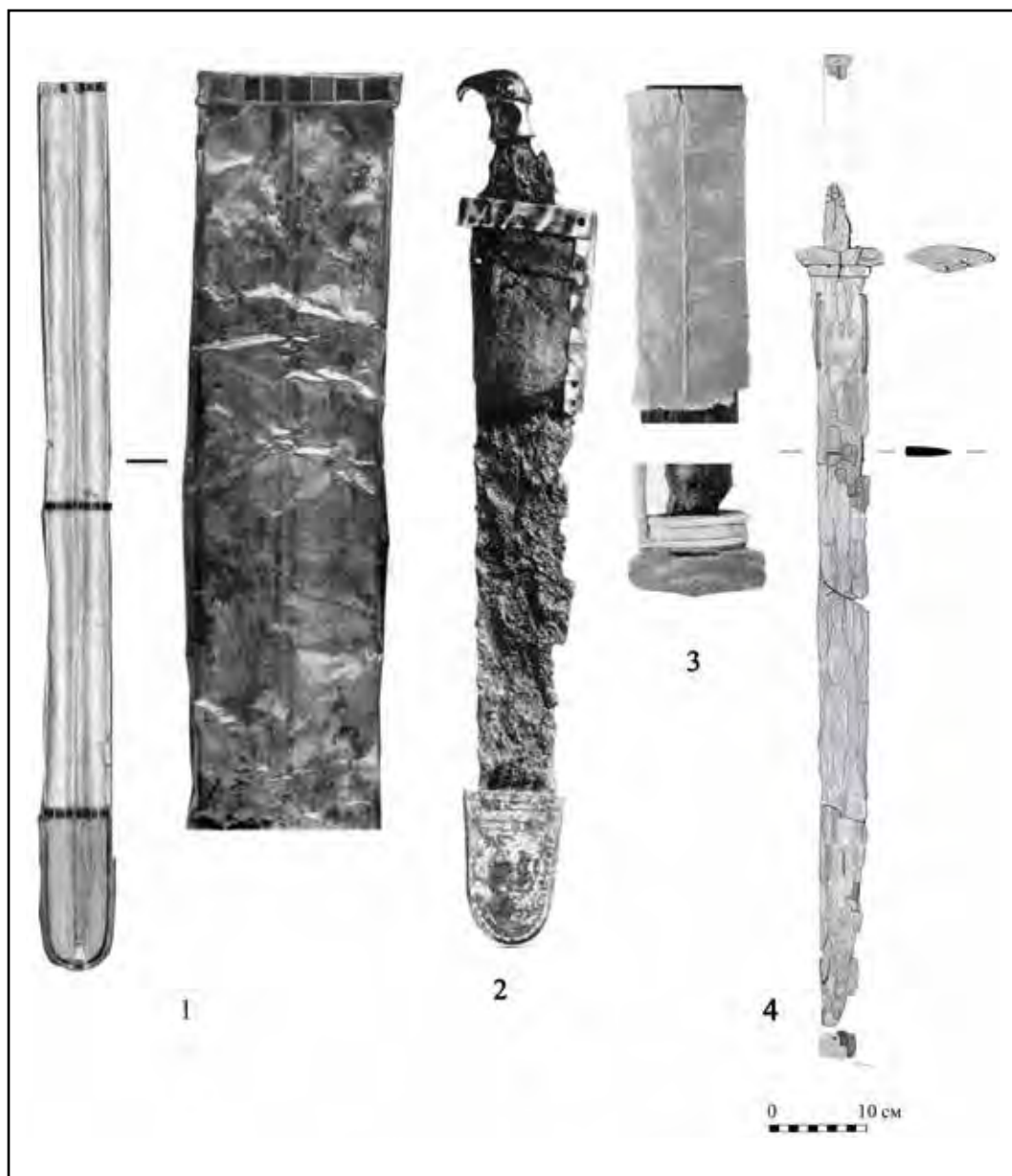

Рис. 7. Ножны, скрамасаксы и боевые ножи Боспора Киммерийского и детали меча из Альтлюсхайма
1 – Керчь; 2 – Боспор Киммерийский; 3 – Альтлюсхайм; 4 – Джурга-Оба, погр. 16

Fig. 7. Scabbards, scramasaxes, and battle knives from Cimmerian Bosphoros and sword fragments Altusheim
1 – Kerch; 2 – Cimmerian Bosphoros; 3 – Altusheim; 4 – Dzhurga-Oba, burial 16

По / according to: *1 – [101, Abb. 197, 199]; 2 – [104, Taf. 17,D687]; 3 – [146, Taf. 2,1]; 4 – [28, рис. 3,1]*

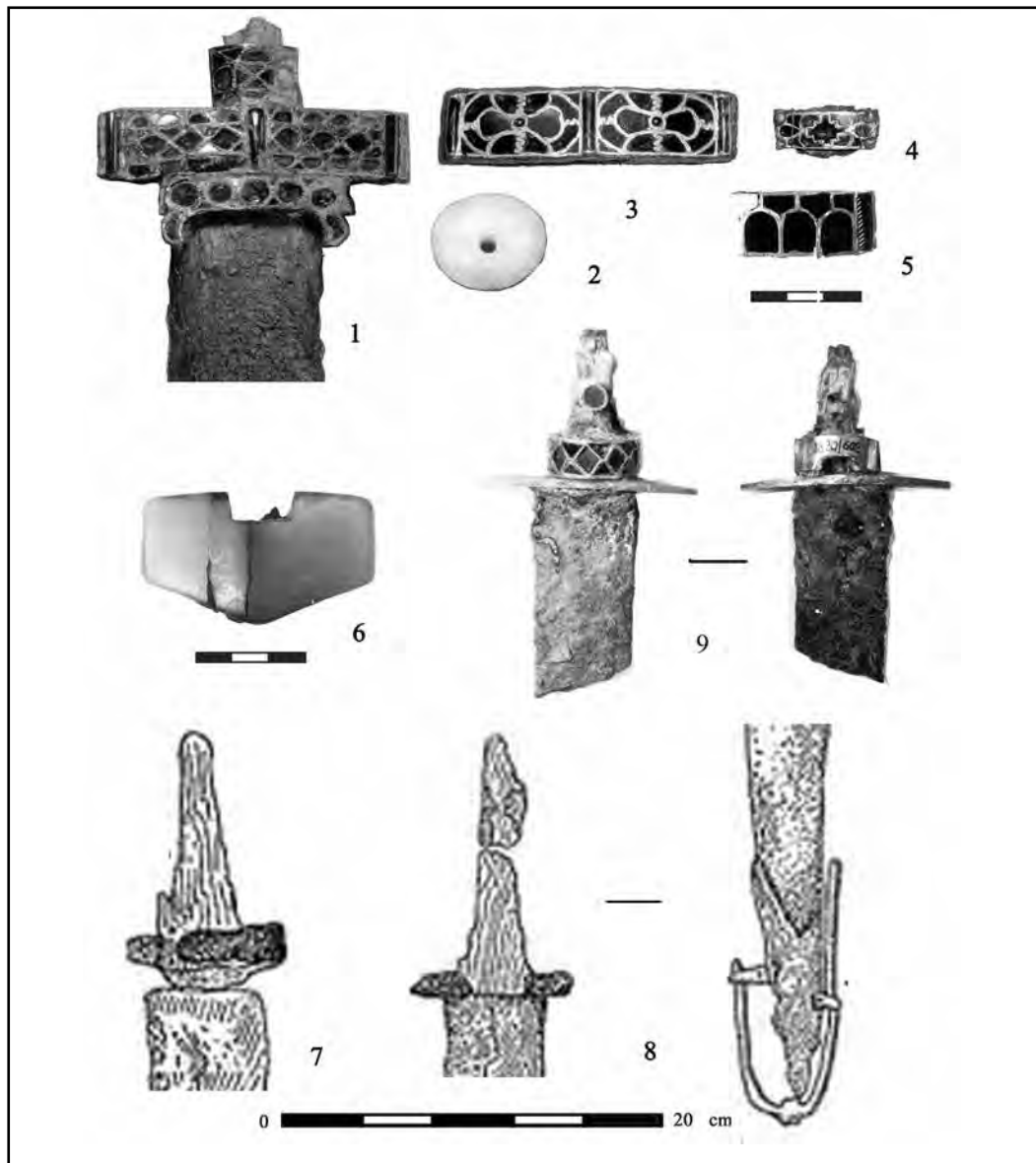

Рис. 8. Боспорские мечи «понтийского» типа и их фрагменты (1, 3, 5), мечи и кинжалы «азиатского» типа

1, 2 – Тамань, погр. 1912 г.; 3, 4 – Керчь (?); 5, 6 – Джурга-Оба, погр. 40; 7, 8 – Фанагория, погр. 50; 9 – Керчь, склепы 24 июня 1904 г.

Fig. 8. Bosphoran swords of the “Pontic” type and their fragments (1, 3, 5), swords and daggers of the “Asian” type

1, 2 – Taman, burial excavated in 1912; 3, 4 – Kerch (?); 5, 6 – Dzhurga-Oba, burial 40; 7, 8 – Phanagoria, burial 50; 9 – Kerch, burial vaults excavated on June 24, 1904

По / according to: 1, 2 – [85, Кат. I.34,5]; 3, 4, 9 – [31, табл. 6,383,384; 30,146]; 5, 6 – [103, fig. 5,10,11]; 7, 8 – [69, табл. V,5; IX]

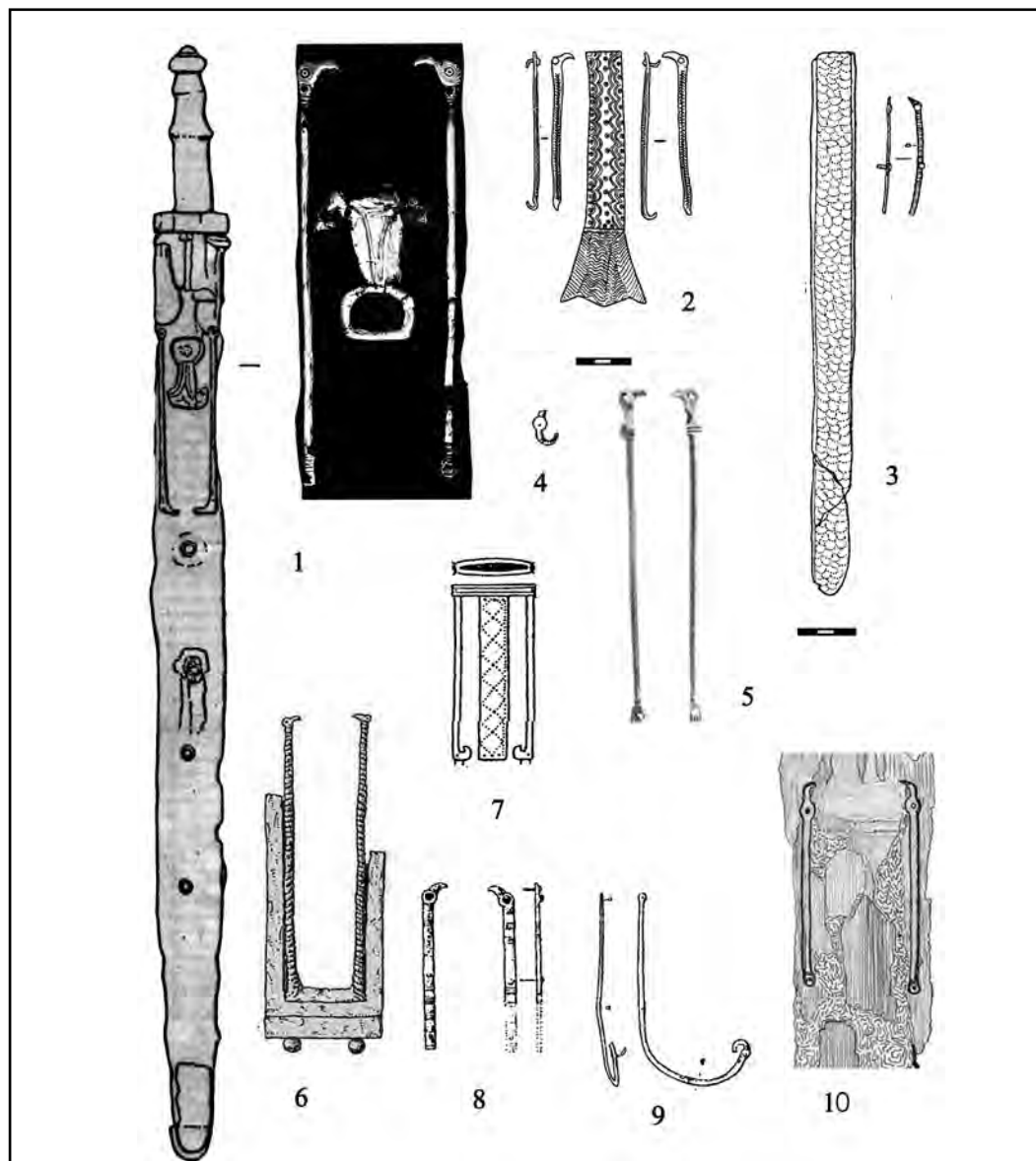

Рис. 9. Боспорские мечи и скрамасаксы с птицевидными накладками и их параллели
 1 – Тамань; 2 – Дюрсо, погр. 300; 3 – Дюрсо, погр. 479; 4 – Рюбенах;
 5 – Керчь, тайник погр. 145.1904 г.; 6 – Сирмабешенье; 7 – Лар; 8 – Роммерсхайм;
 9 – Крефельд-Геллеп, погр. 756; 10 – Джурга-Оба, погр. 16

Fig. 9. Bosphoran swords and scramasaxes with bird-shaped appliques and their parallels
 1 – Taman; 2 – Diurso, burial 300; 3 – Diurso, burial 479; 4 – Rügenach;
 5 – Kerch, secret compartment in burial 145.1904; 6 – Szirmabesenyő; 7 – Lar; 8 – Rommersheim;
 9 – Krefeld-Gellep, burial 756; 10 – Dzhurga-Oba, burial 16

По / according to: 1–4, 6–9 – [50, рис. 1; 2]; 5 – [31, табл. 18,51]; 10 – [28, рис. 7,5]

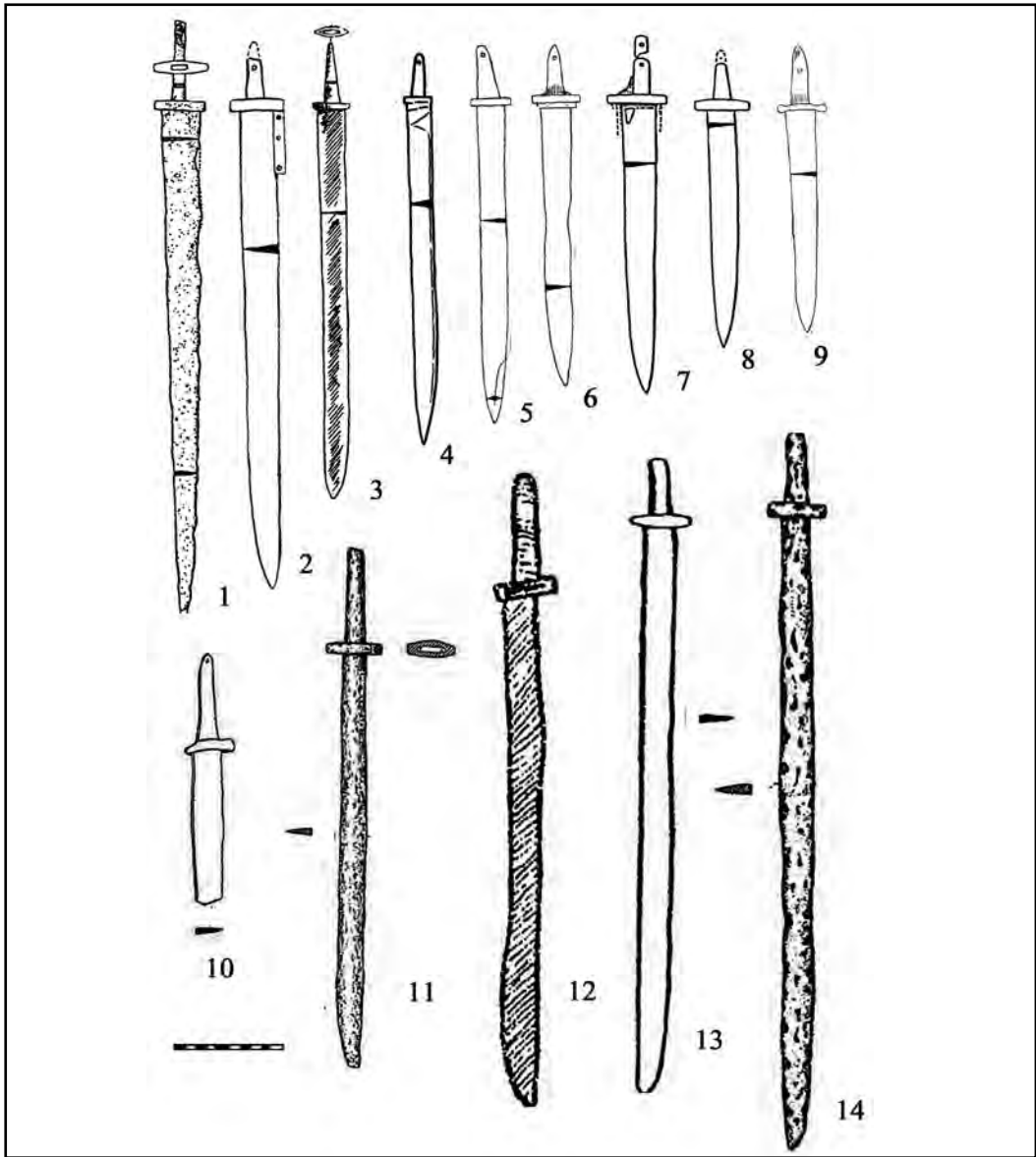

Рис. 10. Скрамасаксы и боевые ножи с железным перекрестьем [по: 28, рис. 6]
 1 – Ногузмахале; 2 – Цибилиум-1, погр. 77; 3 – Шапка-Церковный Холм-4, погр. 6;
 4 – Шапка-Ахаччараху, погр. 43; Цибилиум-2: 5 – погр. 383; 6 – погр. 399; 9 – погр. 420;
 Цибилиум-3: 7 – погр. 435; 8 – погр. 429; 10 – Армиевский могильник, погр. 133;
 Младший Ахмыловский могильник: 11 – погр. 42; 12 – погр. 128; 14 – погр. 100;
 13 – Безводнинский могильник, погр. 3

Fig. 10. Scramasaxes and battle knives with iron cross-guard [according to: 28, рис. 6]
 1 – Noguzmahale; 2 – Tsibilium-1, burial 77; 3 – Shapka-Tserkovnyi Kholm-4, burial 6;
 4 – Shapka-Akhachecharakhu, burial 43; Tsibilium-2: 5 – burial 383; 6 – burial 399;
 9 – burial 420; Tsibilium-3: 7 – burial 435; 8 – burial 429; 10 – Armievskii cemetery, burial 133;
 Mladshii Akhmylovskii cemetery: 11 – burial 42; 12 – burial 128; 14 – burial 100;
 13 – Bezvodninskii cemetery, burial 3

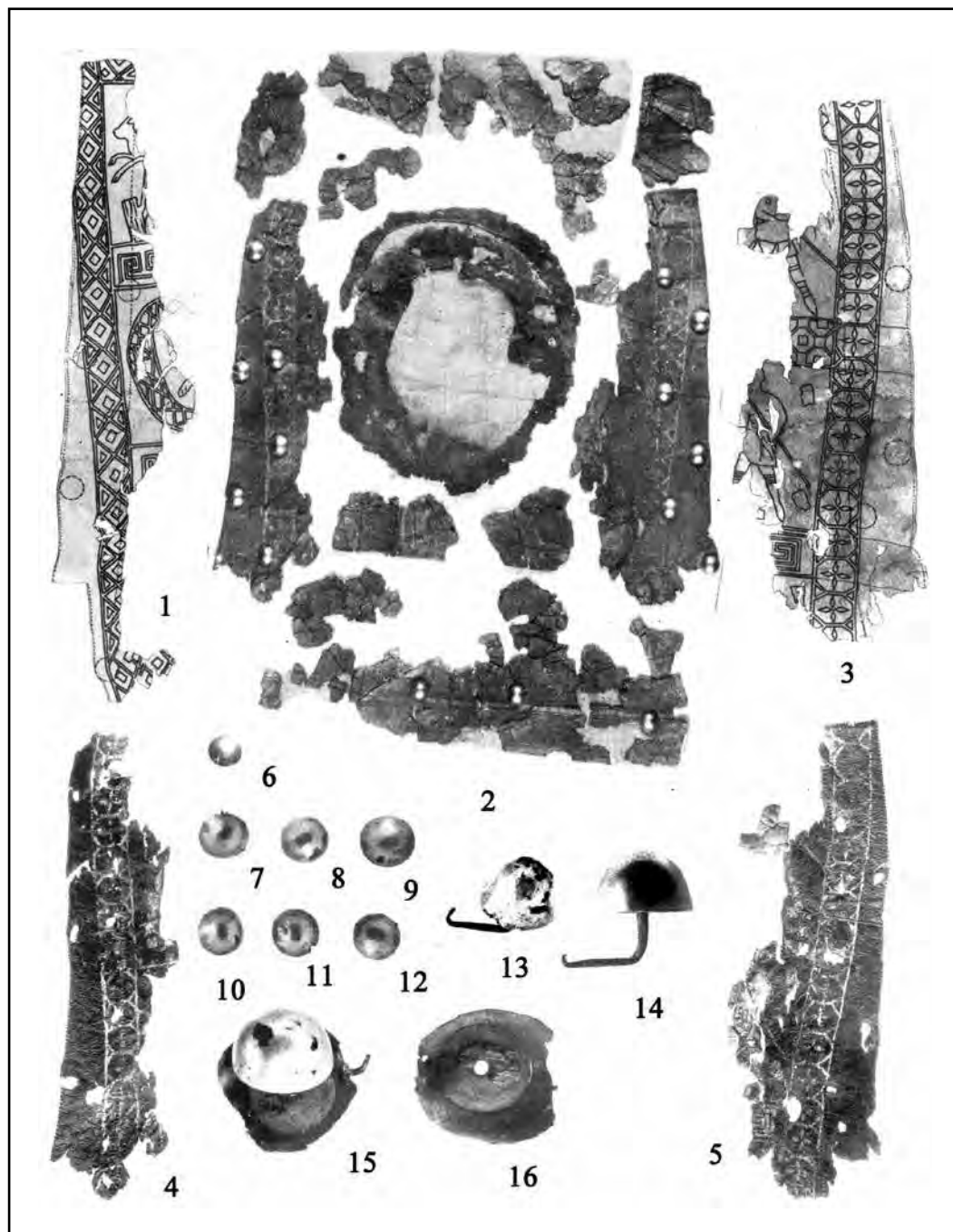

Рис. 11. Обивка и заклепки щита из керченских склепов 24 июня.1904 г. [по: 31, табл. 31, 34]

Fig. 11. Binding plate and shield rivets from the burial vaults uncovered in Kerch on June 24, 1904 [according to: 31, табл. 31, 34]

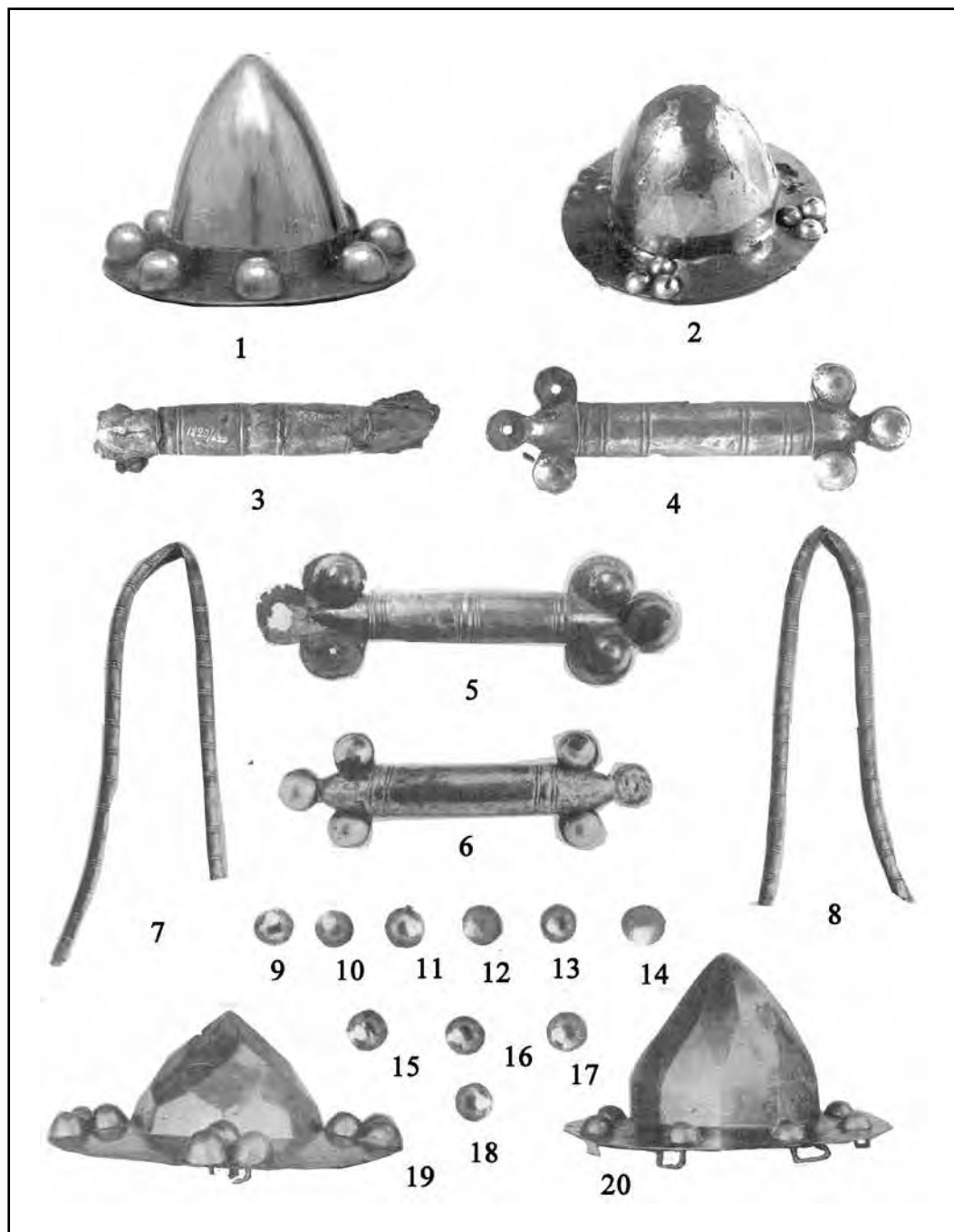

Рис. 12. Умбоны, манипулы и обкладка края щитов [по: 31, табл. 32; 16; 17,46]
1-4 – Керчь склепы 24 июня 1904 г.; 5-20 – склеп 145.1904 г.

Fig. 12. Shield bosses, manipulae, and shield edge plate [according to: 31, табл. 32; 16; 17,46]
1-4 – Kerch, burial vaults uncovered on June 24, 1904; 5-20 – burial vault 145.1904

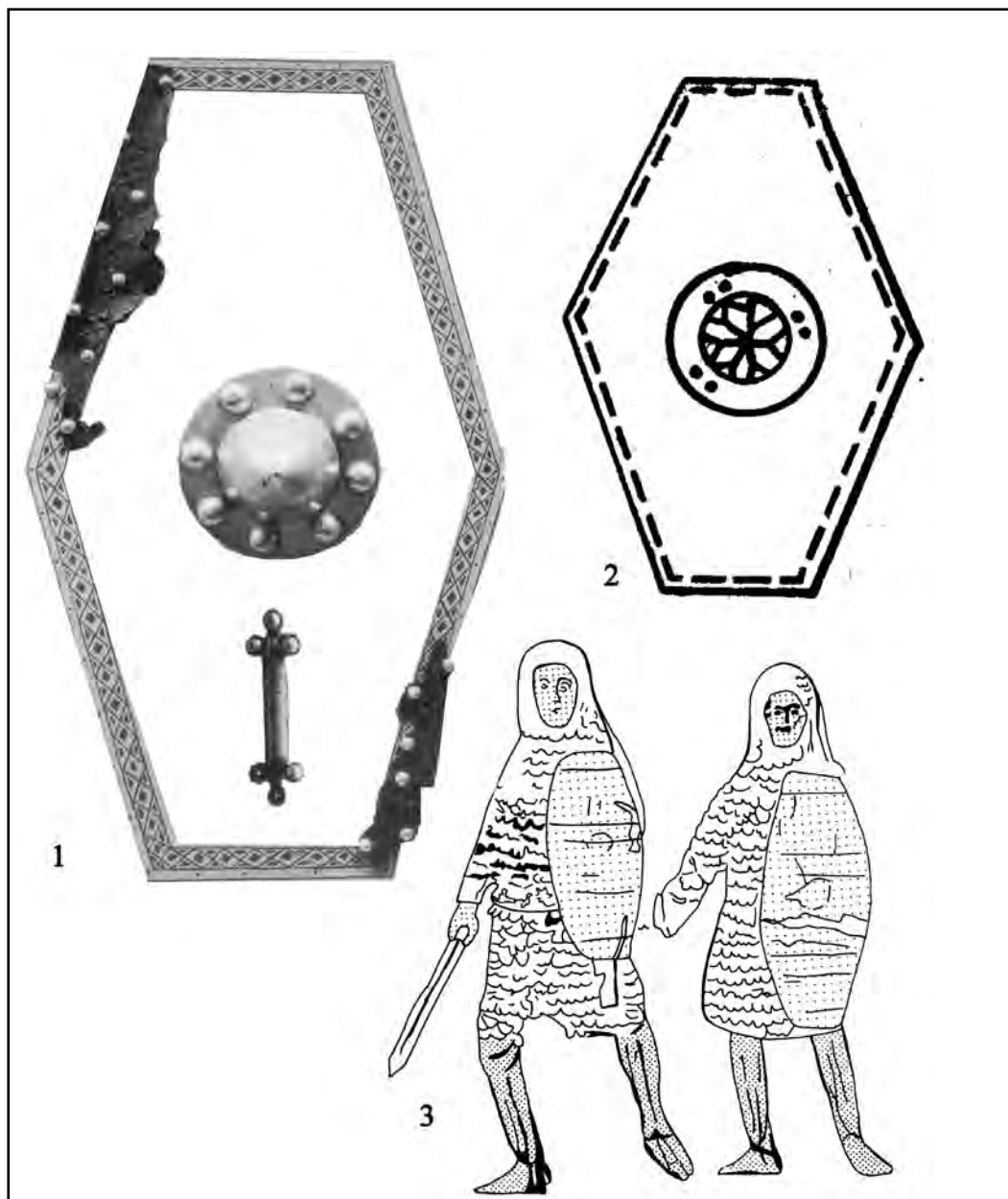

Рис. 13. Реконструкция щита из керченских склепов 24 июня 1904 г. и его параллели
1 – Керчь, 24 июня 1904 г.; 2 – Шапка-Абгыдзраху, погр. 12; 3 – Дура-Европос, синагога

Fig. 13. Reconstruction drawing of the shield from the burial vaults uncovered
in Kerch on June 24, 1904, and its parallels

1 – Kerch, burial vaults uncovered on June 24, 1904; 2 – Shapka-Abgydzrakhu, burial 12;
3 – Dura Europos, synagogue

По / according to: 1 – [147, cat. II.1.t.u, fig. II.13]; 2 – [18, рис. 5.3]; 3 – [99, fig. 102,2]

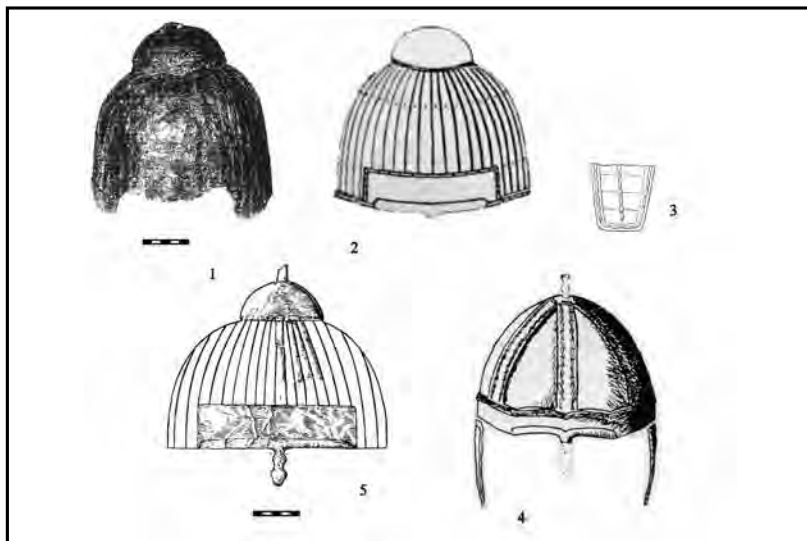

Рис. 14. Шлемы и их элементы на Боспоре Киммерийском
1–4 – Керчь, погр. 1891 г.; 5 – Ильичевка

Fig. 14. Helmets and their parts from Cimmerian Bosphoros
1–4 – Kerch, burial excavated in 1891; 5 – Il'ichevka

По / according to: 1 – [56, рис. 3]; 2–4 – [135, Abb. 23,24]; 5 – [62, рис. 1,1]

Рис. 15. Римские изображения каркасно-ламеллярных шлемов
1–3 – Рим, колонна Траяна; 4, 5 – Фессалоники, арка Галерия

Fig. 15. Roman images of frame-lamellar helmets
1–3 – Rome, Trajan's Column; 4, 5 – Thessalonike, Galerius Arch

По / according to: 1–3 – [144, Abb. 41]; 4, 5 – [123, fig. 6]

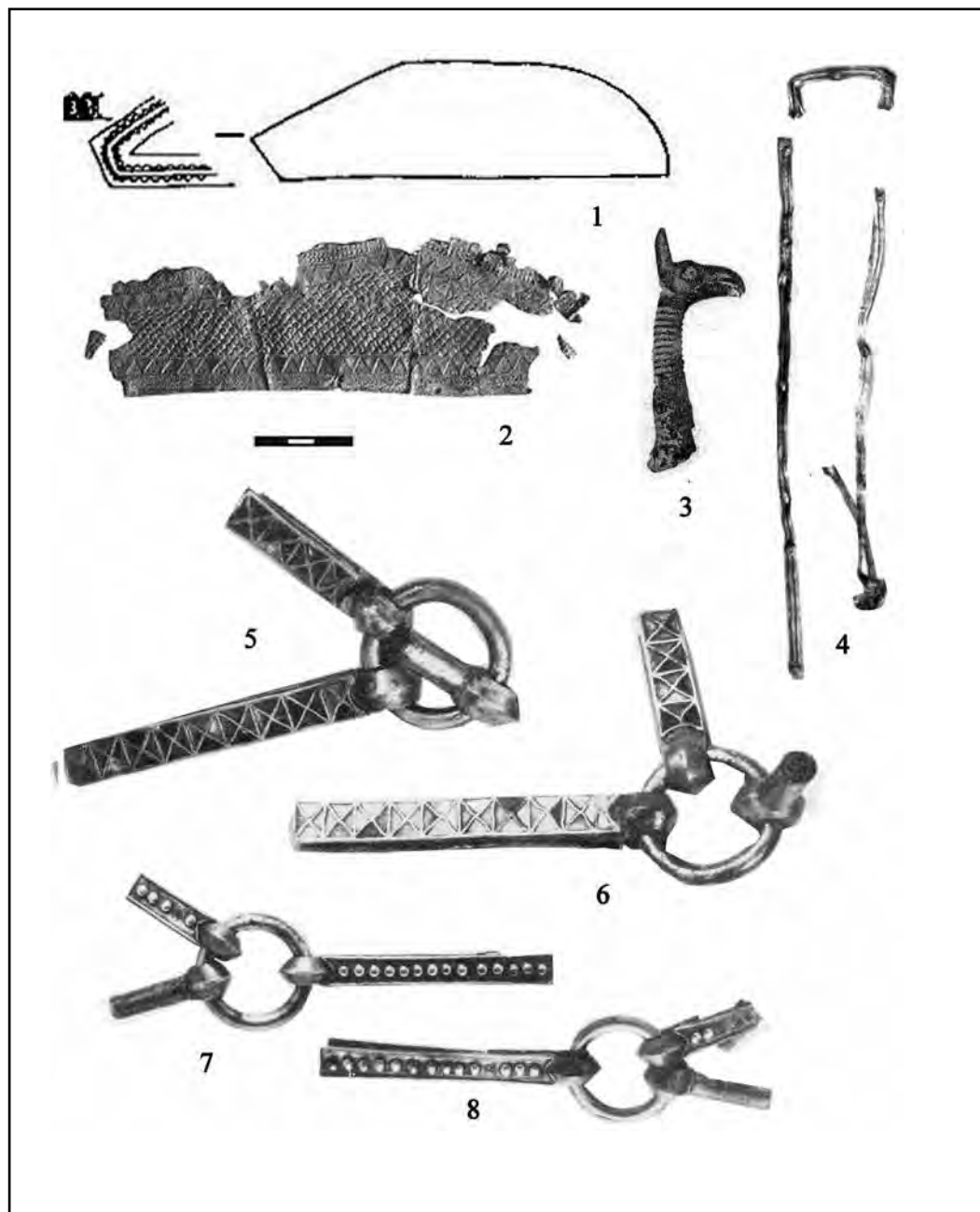

Рис. 16. Седла и удила

1, 3 – Керчь, склеп 6.1905 г.; 2 – Керчь; 4–8 – Керчь, тайник склепа 145.1904 г.

Fig. 16. Saddles and horse-bits

1, 3 – Kerch, burial vault 6.1905; 2 – Kerch; 4–8 – Kerch, secret compartment in burial vault 145.1904.

По / according to: 1 – [32, рис 19, 6,17]; 2 – [9, рис. 3]; 3 – [82, рис. 2]; 4 – [31, табл. 18, 35, 57, 58]

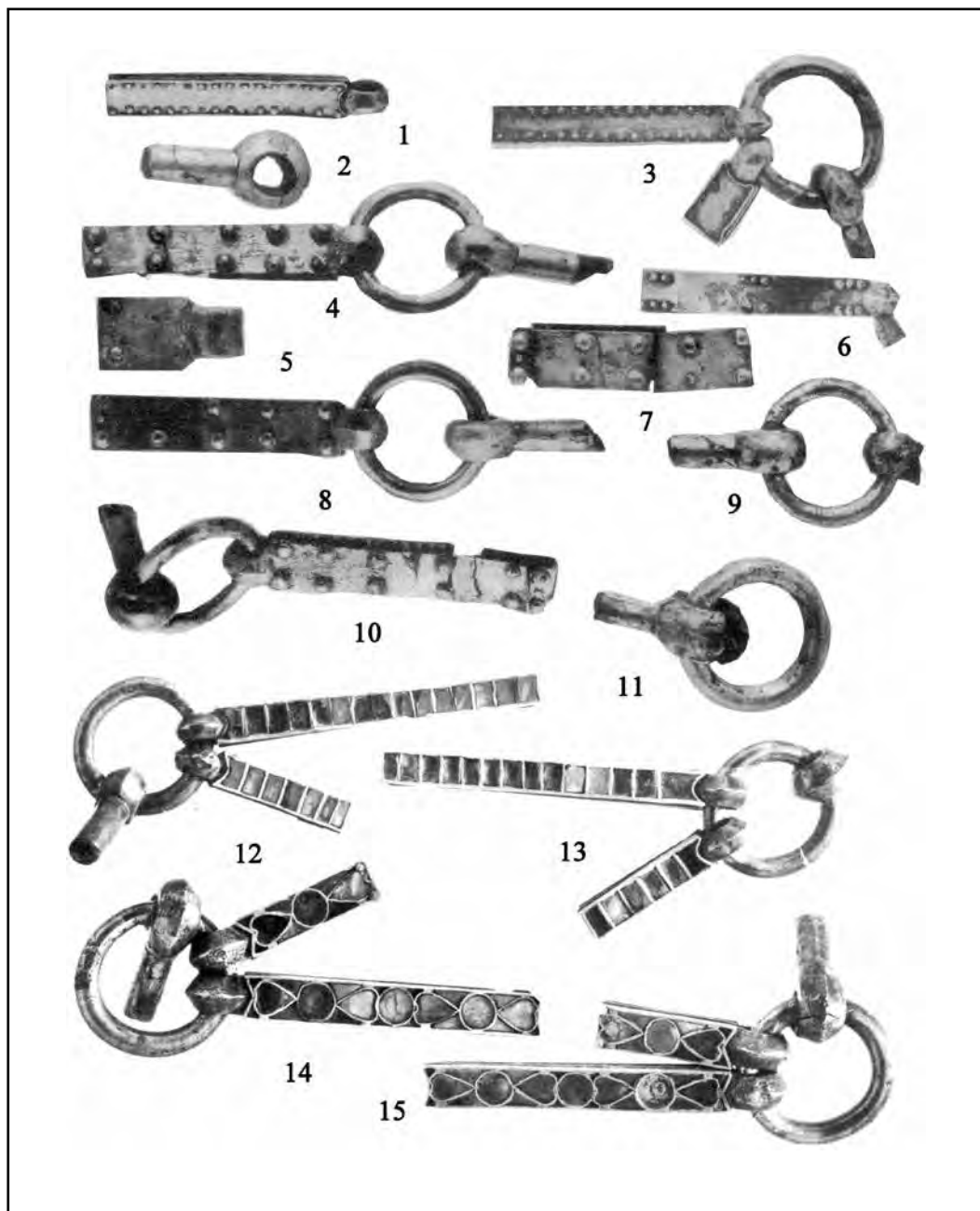

Рис. 17. Удила [по: 31, табл. 19,58–60,61; 36,170]
1–11 – Керчь, тайник склепа 145.1904 г.; 12–15 – Керчь, склепы 24 июня 1904 г.

Fig. 17. Horse-bits [according to: 31, табл. 19.58–60.61; 36.170]
1–11 – Kerch, secret compartment in burial vault 145.1904;
12–15 – Kerch, burial vaults uncovered on June 24, 1904

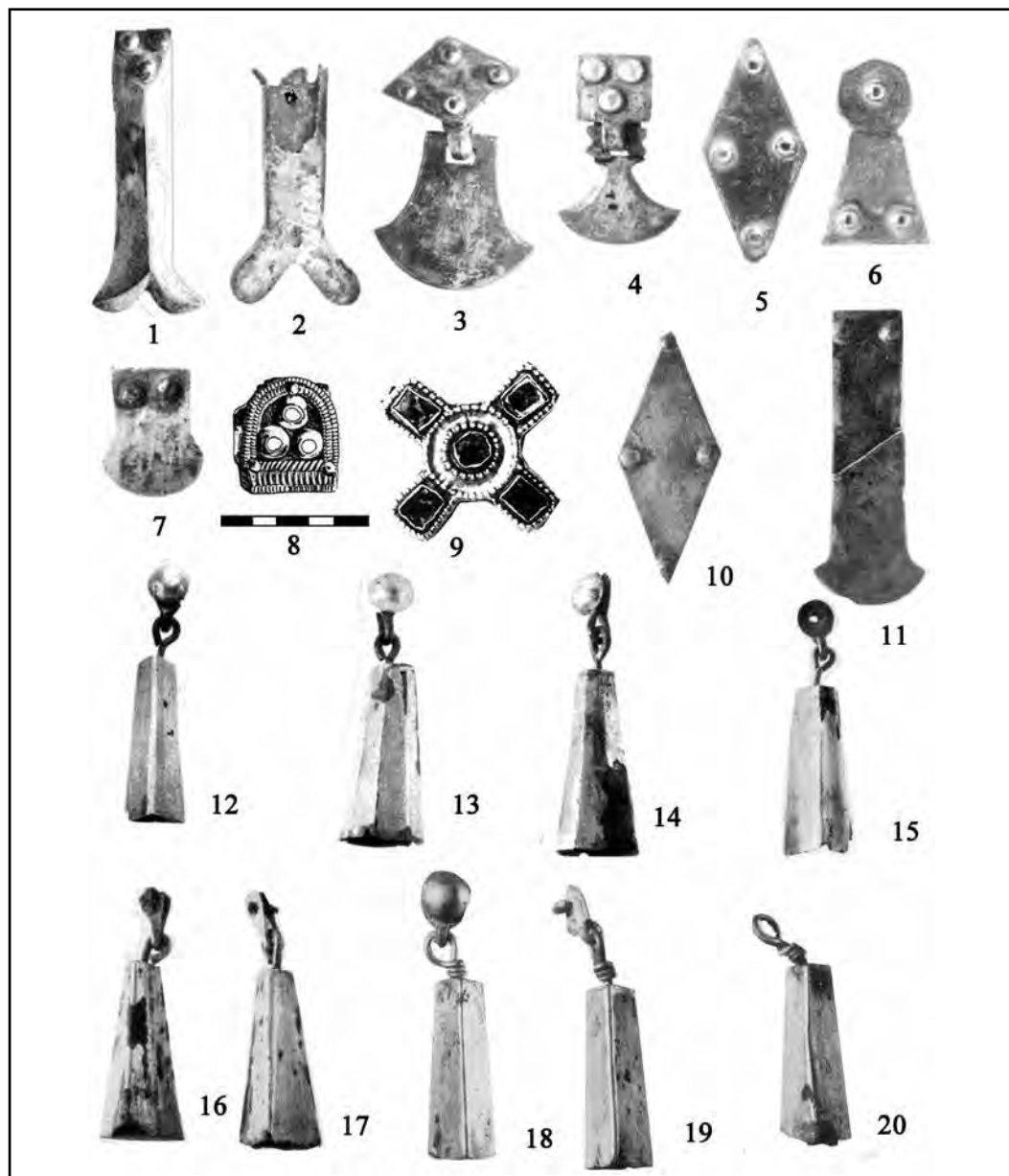

Рис. 18. Подвески и накладки конского убора

1-7, 12-14 – Керчь, склепы 24 июня 1904 г.; 10, 11, 15-17 – Керчь, тайник склепа 145.1904 г.;
8, 9 – Керчь; 18-20 – Керчь, склеп 165.1904 г., погр. 5

Fig. 18. Pendants and appliques from horse tack

1-7, 12-14 – Kerch, burial vaults uncovered on June 24, 1904; 10, 11, 15-17 – Kerch, secret
compartment in burial vaults 145.1904; 8, 9 – Kerch; 18-20 – Kerch, burial vault 165.1904, burial 5

По / according to: 1-7, 12-14 – [31, табл. 36,162-166,169]; 10, 11, 15-17 – [31, табл. 18,56; 19,63];
8 – [136, Abb. 269a]; 9 – [101, Abb. 183]; 18-20 – [31, табл. 51,293]

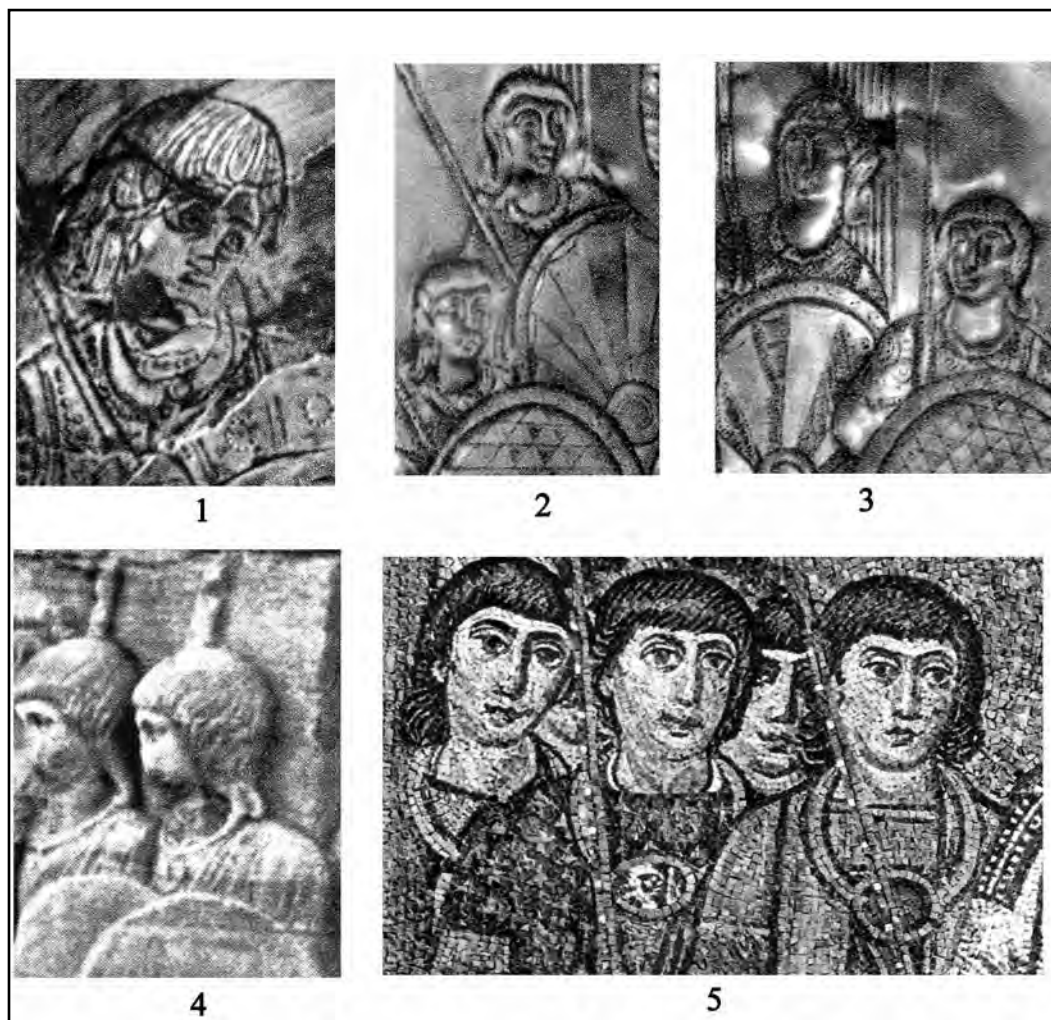

Рис. 19. Изображения торков императорской гвардии [по: 110, fig. 171, 246, 347, 351]
1 – Керчь, Гордиковский склеп 1891 г., блюдо Констанция II; 2, 3 – Мадрид, миссориум Феодосия I; 4 – Константинополь, Ипподром; 5 – Равенна, Сан-Витале

Fig. 19. Images of the imperial guardmen torques [according to: 110, fig. 171, 246, 347, 351]
1 – Kerch, Gordikov burial vault, 1891, dish of Constantius II; 2, 3 – Madrid, missorium of Theodosius I; 4 – Constantinople, Hippodrome; 5 – Ravenna, San Vitale

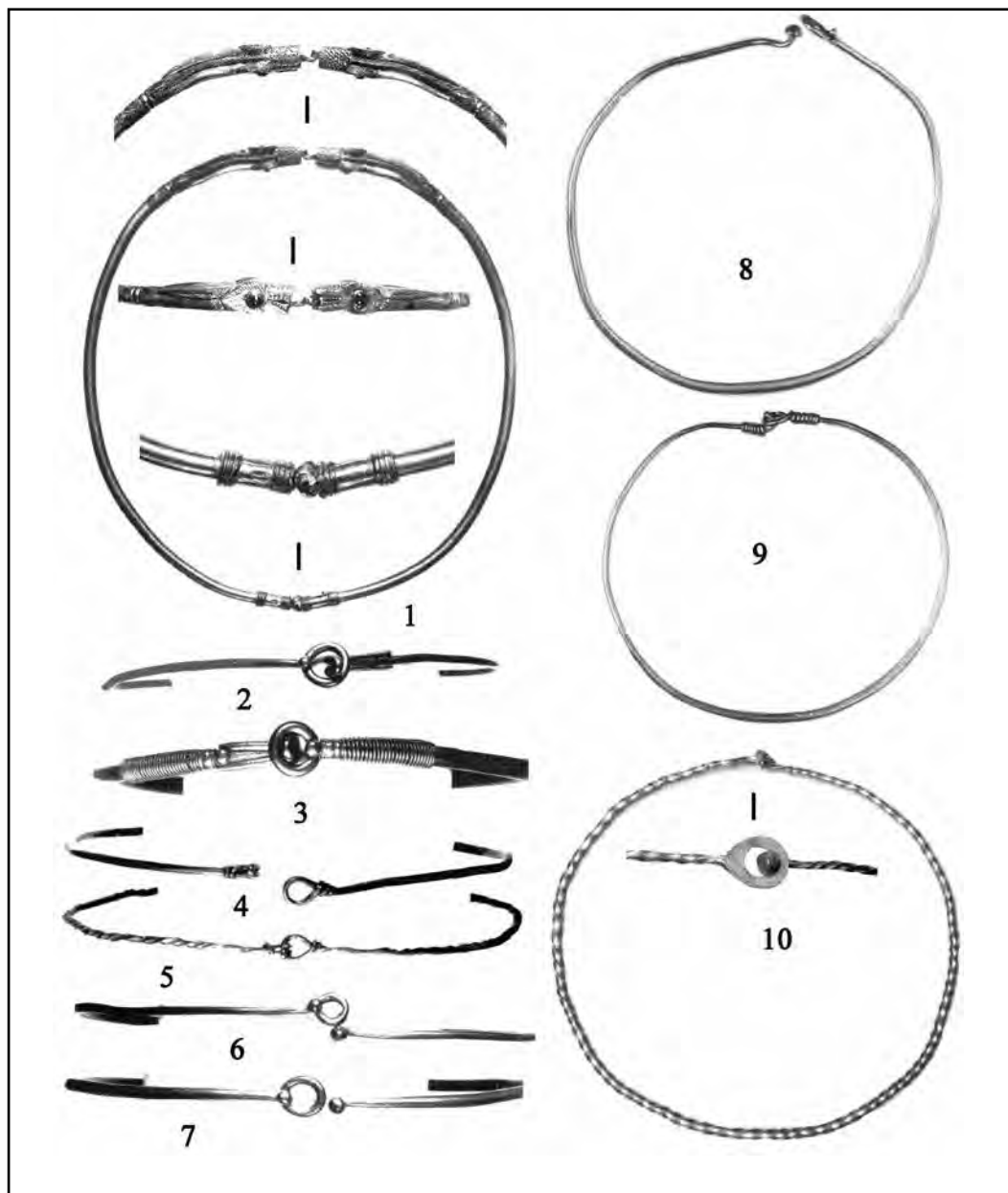

Рис. 20. Гривны

1–7 – Керчь, склепы 24 июня 1904 г.; 8 – Керчь, склеп 165.1904 г., погр. 2;
9 – Керчь, склеп 165.1904 г., погр. 4; 10 – Тамань

Fig. 20. Neck-rings

1–7 – Kerch, burial vaults uncovered on June 24, 1904; 8 – Kerch, burial vault 165.1904, burial 2;
9 – Kerch, burial vault 165.1904, burial 4; 10 – Taman

По / according to: 1–9 – [31, табл. 23, 77–79; 24, 78; 25, 80; 55, 276, 299]; 10 – [101, Abb. 84, 85]

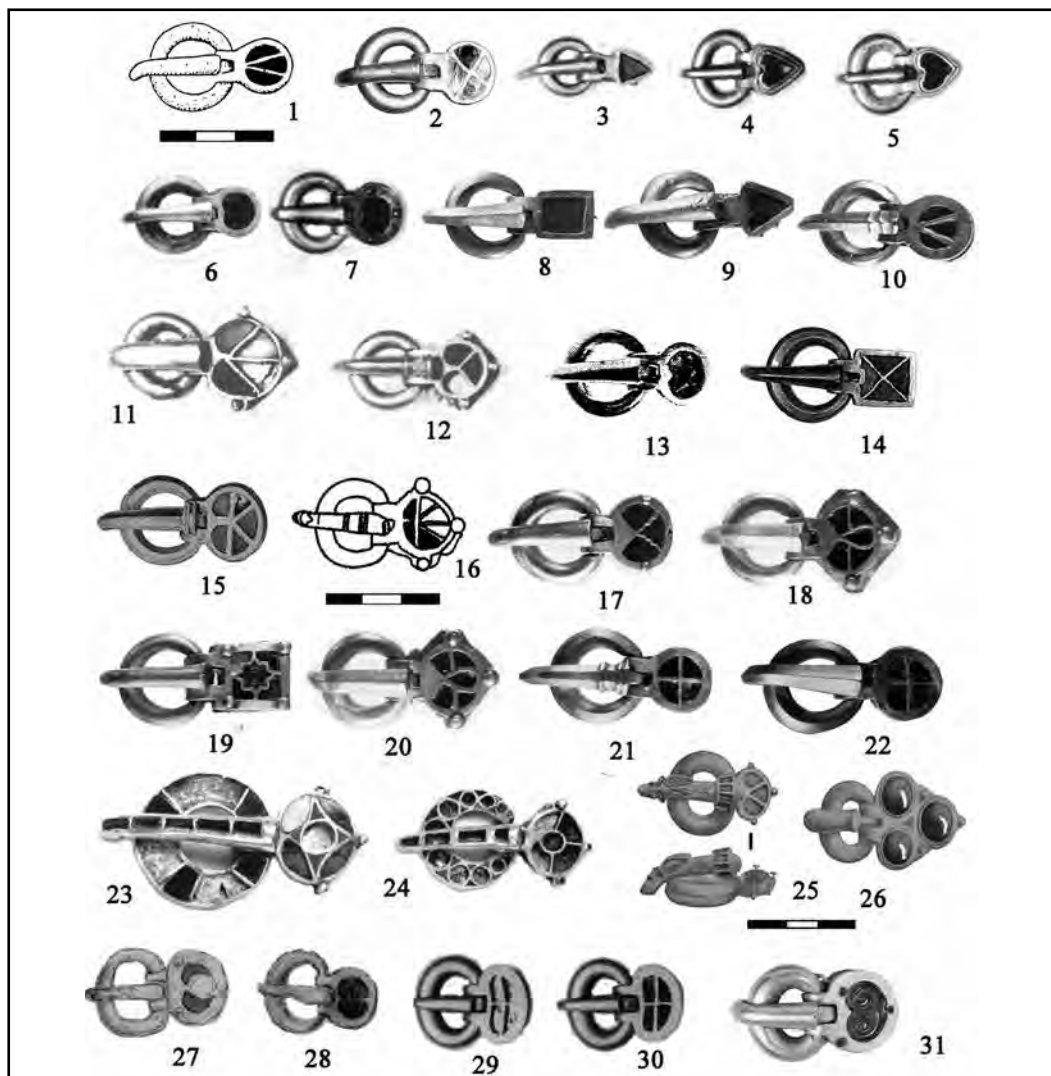

Рис. 21. Пряжки

1 – Фонтал; 2 – Керчь, погр. 11.1899 г.; 3–10, 23, 24, 31 – Керчь, склепы 24 июня 1904 г.; 11–14 – Керчь; 15 – Керчь, гора Митридат; 16 – Фанагория, Восточный некрополь, склеп 34.2005 г.; 17–22 – Тамань; 25, 26 – Керчь, Новиковский склеп; 27, 28 – Керчь, Глинище, склеп 1896 г.; 29, 30 – Керчь, склеп у Тарханской дороги 1914 г.

Fig. 21. Buckles

1 – FONTAL; 2 – Kerch, burial 11.1899; 3–10, 23, 24, 31 – Kerch, burial vaults uncovered on June 24, 1904; 11–14 – Kerch; 15 – Kerch, Mithridates hill; 16 – Phanagoria, Eastern cemetery, burial vault 34.2005; 17–22 – Taman; 25, 26 – Kerch, Novikov burial vault; 27, 28 – Kerch, Glinishche, 1896 burial vault; 29, 30 – Kerch, burial vault at the Tarkhan road, uncovered in 1914

По / according to: 1 – [146, Taf. 39,27]; 2 – [31, табл. 11,9]; 3–7 – [31, табл. 26,105–107]; 8–10 – [101, Abb. 29, 31, 35]; 11, 12 – [31, табл. 64,378,379]; 13 – [125, N° 122,6]; 14 – [90, pl. 23,70]; 15 – [105, pl. XIII,98]; 16 – [60, рис. 5,5]; 17–22 – [101, Abb. 147, 149, 150, 151, 153, 156]; 23, 24 – [31, табл. 26,108]; 25, 26 – [95, pl. III]; 27, 28 – [146, Taf. 15,12,13]; 29, 30 – [31, табл. 61,355]; 31 – [101, Abb. 13]

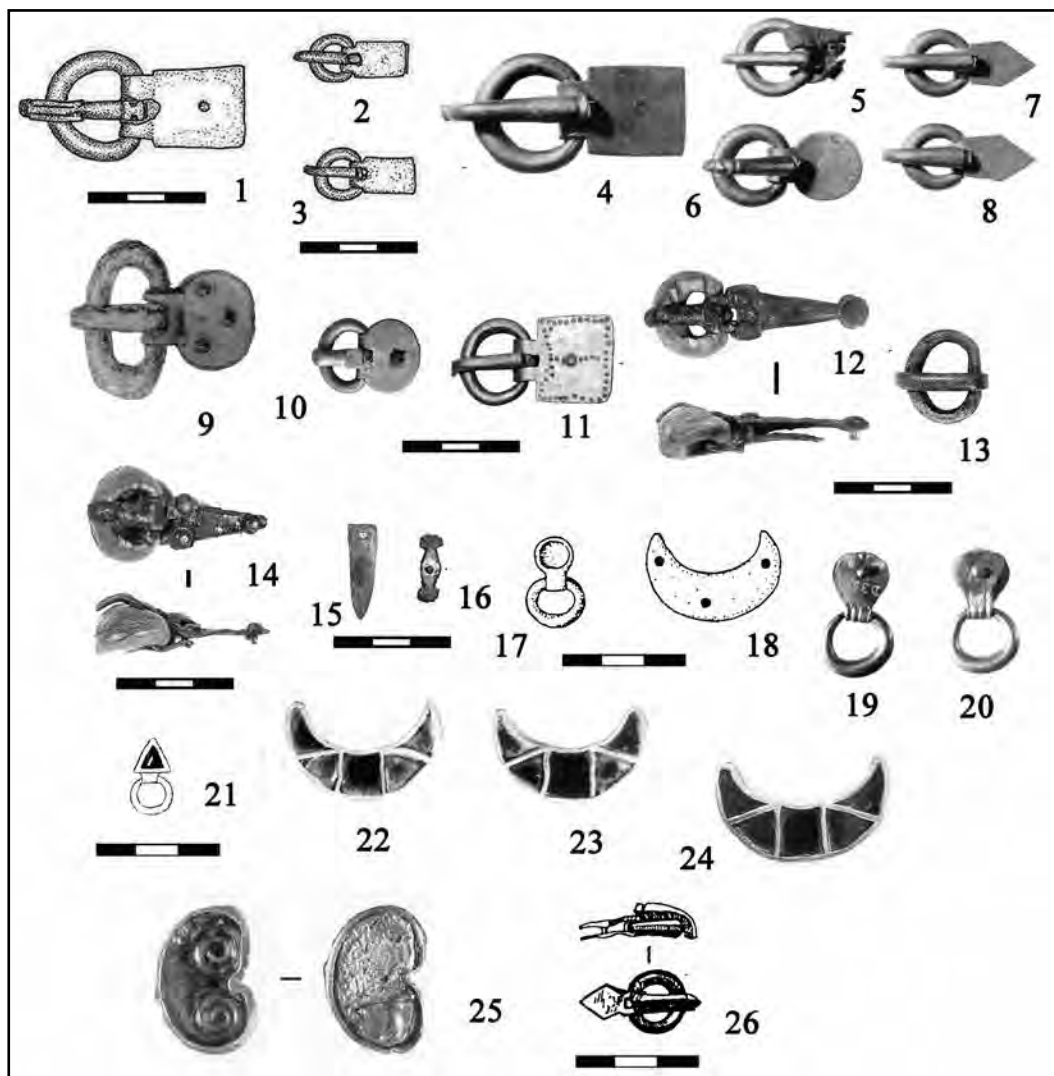

Рис. 22. Пряжки и другие элементы ременной гарнитуры

1–3 – Фанагория, склеп 50.1937 г., Западная камера, погр. 1; 4–8 – Керчь, склеп 165.1904 г. погр. 5; 9 – Керчь, Глинище, склеп 1896 г.; 10–16 – Джурга-Оба, погр. 16; 17, 18 – Фонтал; 19, 20, 22, 23 – Керчь, склепы 24 июня 1904 г.; 21 – Керчь, погр. 1892 г.; 24, 25 – Керчь; 26 – Керчь, гора Митридат, склеп 11.2001 г.

Fig. 22. Buckles and other belt set fragments

1–3 – Phanagoria, burial vault 50.1937, western chamber, burial 1; 4–8 – Kerch, burial vault 165.1904, burial 5; 9 – Kerch, Glinishche, burial vault 1896; 10–16 – Dzhurga-Oba, burial 16; 17, 18 – Fontal; 19, 20, 22, 23 – Kerch, burial vault uncovered on June 24, 1904; 21 – Kerch, burial uncovered on 1892; 24, 25 – Kerch; 26 – Kerch, Mithridates hill, burial vault 11.2001

По / according to: 1–3 – [75, рис. 3,12,13,15]; 4–8 – [31, табл. 54,289–291]; 9 – [146, Taf. 15,17]; 10 – [28, рис. 2,1–6,8]; 17, 18 – [146, Taf. 59,28,29]; 19, 20 – [101, Abb. 33, 34]; 21 – [2, рис. 47,2]; 22, 23 – [31, табл. 29,144]; 24, 25 – [101, Abb. 42,214]; 26 – [35, рис. 1]

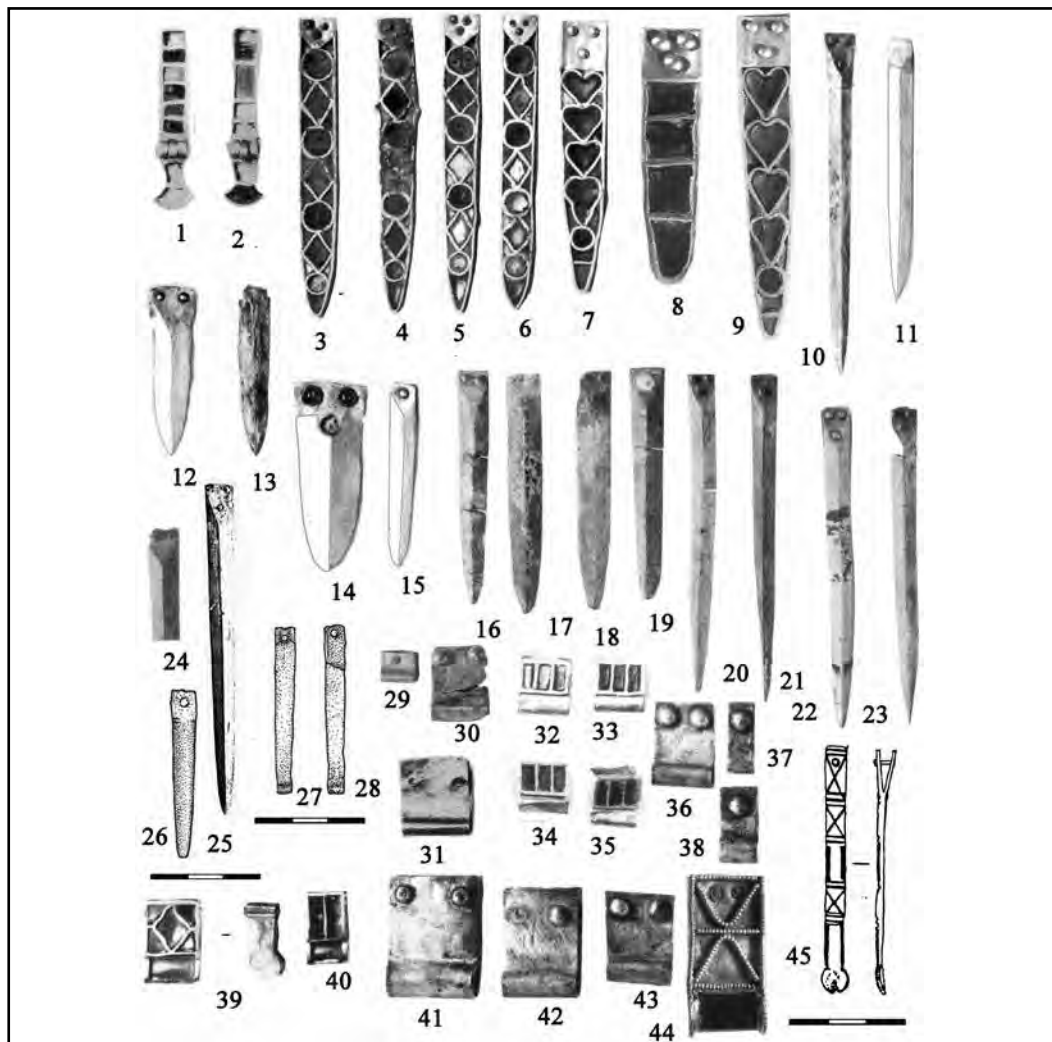

Рис. 23. Наконечники ремной гарнитуры

1, 2, 31 – Керчь, склеп 1914 г. на Тарханской дороге; 3–15 – Керчь, склепы 24 июня 1904 г.;
 16–24, 29, 30 – Керчь, склеп 145.1904 г., тайник; 25 – Керчь; 26 – Фанагория, склеп 50.1937 г.,
 Западная камера, погр. 1; 27, 28 – Фанагория, склеп 50.1937 г., Восточная камера, погр. 2;
 32–35 – Керчь, склеп 175.1904 г.; 36–44 – Керчь, склепы 24 июня 1904 г.;
 45 – Керчь, гора Митридат, склеп 11.2001 г.

Fig. 23. Belt-ends

1, 2, 31 – Kerch, burial vault uncovered on 1914 on the Tarkhan road; 3–15 – Kerch, burial vaults
 uncovered on June 24, 1904; 16–24, 29, 30 – Kerch, crypt 145.1904, secret compartment;
 25 – Kerch; 26 – Phanagoria, burial vault 50.1937, western chamber, burial 1;
 27, 28 – Phanagoria, burial vault 50.1937, eastern chamber, burial 2;
 32–35 – Kerch, burial vault 175.1904; 36–44 – Kerch, burial vault uncovered on June 24, 1904;
 45 – Kerch, Mithridates hill, burial vault 11.2001

По / according to: 1, 2, 31 – [31, табл. 61,357,358]; 3–7 – [31, табл. 27,125]; 8, 9 – [101, Abb. 6,8];
 10–15 – [31, табл. 13,126,127]; 16–24, 29, 30 – [31, табл. 13,33,34]; 25 – [106, N° 1,14.b];
 26–28 – [74, рис. 3,7; 2,10,11]; 32–43 – [31, табл. 57,322; 28,128,129]; 44 – [101, Abb. 24]; 45 – [35, рис. 1]

Список литературы

1. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 274–311.
4. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
5. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 274 с.
6. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
7. Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 347–470.
8. Ахмедов И.Р. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и пост-гуннского времени // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 152–166.
9. Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и пост-гуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной / Ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 19–48.
10. Ахмедов И.Р. Об одном типе мечей рязано-окских финнов в VI в. н.э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 23–71.
11. Ахмедов И.Р., Биркина Н.А. Шлемы из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 235–248. (Раннеславянский мир. Вып. 19).
12. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–232. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
13. Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды Государственного Исторического музея. 1941. Вып. XVI. Работа археологических экспедиций. С. 4–74.
14. Вернер И. Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты позднеримского времени (с приложением работы Людвиг Паули) // *Stratum plus*. 2013. № 4. С. 315–348.
15. Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-ой половины V в. н.э. Каталог коллекции / Ред. Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин, А.Г. Шпилев. М.: Голден-Би, 2014. 200 с.
16. Волошинов А.А., Масякин В.В. Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в. В Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ред. А.В. Мاستыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 146–173.
17. Воронов Ю.Н. Могилы апсидов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 348 с.
18. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
19. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 174–181.
20. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Воинские традиции в детском костюме элиты позднеантичной Фанагории // *Stratum plus*. 2023. № 4. С. 289–304.
21. Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-Алания, Гос. музей искусства народов Востока, 2014. 184 с.
22. Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 152–157.
23. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы / Ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 52–61.

24. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. С. 212–229.
25. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 200–206.
26. Думберг К.Е. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 80–93.
27. Ермолин А.Л. Кроваво-золотой стиль «клуазоне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / Ред. В.Ю. Зубов. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 70–77.
28. Ермолин А.Л., Казанский М.М. О клинковом оружии из погребения 16 эпохи Великого переселения народов на могильнике Джурга-Оба в Восточном Крыму // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 235–252.
29. Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 5–17.
30. Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 13–30.
31. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–105.
32. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.
33. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
34. Зеест И.Б. Синдская экспедиция 1951 года. Дневник // Архив ИА РАН. 1951. Б 31-582а.
35. Зинько Е.А. Исследование некрополя Пантикапея в 2001 году // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья / Ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2002. С. 100–105.
36. Зубов С.Э. Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: Региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Ред. Л.Т. Яблонский, А.Т. Таиров. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2007. С. 124–133.
37. Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 238–256.
38. Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 277–297. (Vita Antiqua).
39. Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 122–141.
40. Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / Ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М.: Ломоносовь, 2010. С. 307–320.
41. Казанский М.М. О происхождении скрамасакса // Stratum Plus. 2012. № 5. С. 111–124.
42. Казанский М.М. Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов // Stratum plus. 2014. № 6. С. 105–111.
43. Казанский М.М. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum plus. 2014. № 4. С. 229–336.
44. Казанский М.М. Находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксуди) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 206–215.
45. Казанский М.М. Воинские погребения боспорской знати постгуннского периода (вторая половина V – первая половина VI вв.) // Stratum plus. 2018. № 5. С. 75–86.
46. Казанский М.М. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова / Ред. С.В. Белецкий. СПб.: ИИМК, 2019. С. 113–124.

47. Казанский М.М. О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация // Боспорские исследования. 2019. Вып. XXXVIII. С. 205–224.
48. Казанский М.М. Элементы конского снаряжения постгуннского времени на Северном Кавказе и их параллели на окраинах степи // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Вып. 16–2. С. 353–375.
49. Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 108–131.
50. Казанский М.М. Таманский «парадный» меч эпохи Великого переселения народов // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2021. С. 153–160.
51. Казанский М.М. Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского // АДСВ. 2021. Вып. 49. С. 70–78.
52. Казанский М.М. «Парадные» мечи эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2022. Т. XLIV. С. 177–201.
53. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Конское снаряжение эпохи Великого переселения народов из Сёдалы и его понто-дунайские параллели // Боспорские исследования. 2018. Вып. XXXVI. С. 118–142.
54. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Инкрустированные пряжки и накладки эпохи Великого переселения народов с декором в виде рельефных волют: Византия и Барбарикум // АДСВ. 2022. Вып. 50. С. 83–95.
55. Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (предварительная информация) // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 204–221.
56. Кубарев Г.В., Журавлев Д.В. Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Т. 11. Вып. 5. С. 135–146.
57. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
58. Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М., Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. 132 с.
59. Мацулевич Л.А. Реконструкция изображений на кожаной обивке щитов IV в. н.э. // Известия на Българския Археологическия Институт. 1950. Т. XVI. С. 1–6.
60. Медведев А.П. Два позднеантичных склепа Восточного некрополя Фанагории // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 167–182.
61. Медведев А.П. Познеантичный некрополь Фанагории (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: история, политология, социология. 2011. № 1. С. 32–45.
62. Николаева Э.А. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры / Ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 183–188.
63. Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III за XXV лет. М.: Синодальная типография, 1916. 208 с.
64. Отчет Императорской археологической комиссии за 1891 г. СПб., 1893. 188 с.
65. Отчет Императорской археологической комиссии за 1900 г. СПб., 1902. 174 с.
66. Радюш О.А. Ламеллярный шлем эпохи переселения народов из Курской области // Древности Днепрового Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск: Курский областной музей археологии, 2012. С. 202–257.
67. Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3. С. 256–266.
68. Савенко С.Н. Ещё одно захоронение аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А.П. Рунича) // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 115–139.
69. Сокольский Н.И. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья / Ред. М.М. Кобылина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 123–196. (МИА. № 33)
70. Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 85–101.

71. Строков А.А. Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXI. С. 303–319.
72. Строков А.А. Обувь воина первой половины V в. н.э. из Фанагории // Восточноевропейские древности / Ред. А.Н. Ворошилов. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 257–263.
73. Строков А.А. Возможности реконструкции социальной структуры позднеантичного Азиатского Боспора позднеантичную эпоху // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные / Ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 73–76.
74. Строков А.А. К изучению социальной структуры позднеантичного Азиатского Боспора // РА. 2018. № 1. С. 17–35.
75. Строков А.А. Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В.Д. Блаватского в Фанагории // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 204–217.
76. Трапш М.М. Труды. Том третий. Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 312 с.
77. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 156 с.
78. Фурасьев А.Г. Зооморфные накладки начала V в. в технике клуазоне из Керчи: назначение и семантика // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 2. С. 181–196.
79. Фурасьев А.Г., Шаблавина Е.А. Концепты. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 244 с.
80. Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 2022. 304 с.
81. Шкорпил В.В. Отчет о работе в г. Керчи и её окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 73–177.
82. Шкорпил В.В. Отчет о работе в Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1–66.
83. Шкорпил В.В. Отчет о работе в Керчи в 1905 г. // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 1–50.
84. Штерн Э. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 1–15.
85. Эпоха меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.: Каталог / Ред. W. Menghin. Берлин: Minerva, 2007. 592 с.
86. Adams N. The Development of Early Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. P. 13–70.
87. Akhmedov I. Cheek-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migrations period // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav ČR Brno, 2002. P. 11–30.
88. Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. 90 S.
89. Ament H. Das Childerichgrab in der archäologischen Forschung // Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655 / Hrsg. D. Quast. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015. S. 123–155.
90. András J. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London: The Trustees of the British Museum, 2008. 174 p.
91. Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran, 1998. Teil 1. 224 S.; Teil 2. 156 S.
92. Arendt W. Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. 1932. Gesamtfolge Bd. 13 (Neue Folge, Bd. 4). S. 49–55.
93. Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985. 230 p.
94. Azkarate A. La necrópolis tardoantigua de Aldaieta (Nanclares de Gamboa, Álava). Vol. I. Memoria de la excavación e inventario de los hallazgos. Vitoria-Gasteiz: Diputación Foral de Álava, 1999. 540 p. (Memorias de yacimientos alaveses, nº 6).
95. De Baye J. La bijouterie des Goths en Russie // Mémoire de la Société nationale des antiquaires de France. 1890. Vol. 51. P. 359–382.
96. Ben Abed A. Présence vandale dans le pays de Carthage // Rome et les Barbares. La naissance d'un nouveau monde / Dir. J.-J. Aillagon. Venise: Skira, 2008. P. 331–333.

97. Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // *Peregrinatio Gothica* / Ed. J. Kmiecinski. Łódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1989. S. 39–106. (Archeologia Baltica. T. VIII).
98. Bierbrauer V. Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 2008. 132 S.
99. Bishop M.C., Coulston C.N. Roman Military Equipment from the Punic War to the fall of Rome. London: B.T. Batsford Ltd., 1993. 256 p.
100. Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe–Ve siècles). Paris: Errance, 2002. 240 p.
101. Damm I.G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 1988. Bd. 21. S. 65–210.
102. Eger C. et alii. Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit. Köln, München: Römisch-Germanischen Museums der Stadt Köln, Hirmer Verlag, 2017. 272 S.
103. Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosphorus // *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration* / Dir. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris: ACHByz, 2012. P. 340–348.
104. Fremersdorf F. Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt des Römisch-Germanischen Museums Köln. Köln: Römisch-Germanisches Museum, 1953. 118 S.
105. Fröhner W. Collection du château de Goluchów. L'orfèvrerie. Paris: Imprimerie alsayenne Angl G. Fischbach, 1897. 132 p., 22 pl.
106. Germanen, Hunnen, Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit / Hrsg. W. Menghin, T. Springer, E. Wamers. München: Germanisches Nationalmuseum, 1987. 636 S.
107. Girshman R. Parthes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962. 422 p.
108. Glad D. Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe–VIIIe s.). Oxford, 2009. 164 p. (BAR International Series, S1921).
109. Godlowski K. Das "Fürstengrab" des 5. Jhs. und der "Fürstensitz" in Jakuszowice in Südpolen // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle* / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1995. P. 155–180.
110. Grabar A. L'âge d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris: Gallimard, 1966. 416 p.
111. Hagberg E. The Archaeology of Skedemosse II. The votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement on Öland, Sweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967. 152 p.
112. Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998. 268 S.
113. Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement „orientaux" en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // *Journal of Roman Archaeology*. 1991. N° 4. P. 123–139.
114. Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lubin, Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 1994. P. 429–485
115. Kazanski M. Les tombes „princières" de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // *L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes*. Sophia Antipolis: APDCA, 1996. P. 109–126.
116. Kazanski M. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: for the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period // *Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period* / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand, Simferopol: Dolya, 2011. P. 91–101.
117. Kazanski M. Les mors de cheval à décor zoomorphe de l'époque des Grandes Migrations // *Cherchez la petite bête. L'animal au haut Moyen Âge. Actes des XXXVIIe Journées internationales d'archéologie mérovingienne* / Dir. S. Desbrosse-Degobertière, M.-C. Truc. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, Musée d'Archéologie nationale, 2019. P. 63–73.
118. Kazanski M., Akhmedov I. La tombe de Mundoslheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome // *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit* / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik Brno, 2007. P. 173–197.
119. Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // *Eurasia Antiqua*. 1999. Bd. 5. P. 523–573.

120. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaunraum* / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002. P. 159–194.
121. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // *Antiquités Nationales*. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
122. Killerich B., Torp H. Hic est: hic Stilicho. The Date and Interpretation of a Notable Diptych // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. 1989. Bd. 104. S. 319–371.
123. Kubik A.L. Sasanian lamellar helmets // *Crowns, hats, turbans and helmets. The headgear in Iranian history* / Eds. K. Makzymium, G. Karamian. Siedlce, Tehran: Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, 2017. P. 195–210.
124. Loskotova Z. An early 5th century skeleton grave with gold neck-ring from Charváty (Moravia) // *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration* / Dir. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Belgrade: Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2012. P. 189–206.
125. Mac Gregor A. *Ashmolean Museum Oxford. A Summary Catalogue of the Continental Archaeological Collections (Roman Iron Age, Migration Period, Early Medieval)*. Oxford, 1997. 288 p. (BAR International Series, 674).
126. Madyda-Legutko R. *Studia nad źródłowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków: Uniwersytet Jagelloński, Instytut Archeologii, 2011. 312 s.
127. Menghin W. *Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin* // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 1995. Bd. 26/27. S. 140–192.
128. Miks C. *Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit*. Bd. 1: Text; Bd. 2: Katalog und Tafeln. Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2007. 937 S.
129. Mráv Z. Maniakion – the Golden Torc in Late Roman Army and Early Byzantine Army // *Romania Gothica II. The Frontier Word. Romans, Barbarians and Military Culture* / Ed. T. Vida. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2015. P. 287–304.
130. *L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001*. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 223 p.
131. Overlaet B.J. Swords of the Sassanians, notes on scabbard tips // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe* / Eds. L. Meyer, E. Haerincx. Gent: Peeters, 1989. P. 741–755.
132. Overlaet B.J. *Organisation militaire et armement // Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et Chine (244–642)* / Coord. B.J. Overlaet. Bruxelles: Musées royaux d'Aert et d'Histoire, 1993. P. 89–94.
133. Palma Santos A.I. *La tombe wisigothique de Santa Clara à Beja (Portugal)* // *Rome et les Barbares. La naissance d'un nouveau monde* / Dir. J.-J. Aillagon. Venise: Skira, 2008. P. 364–365.
134. Possenti E. *Una tomba di cavaliere della metà del V secolo da Arzignano* // *Archeologia Medievale*. 2011. T. XXXVIII. P. 431–457.
135. Post P. *Der kupferne Spangenhelm* // *Bericht der Römische-Germanischen Kommission*. 1951–1953. Bd. 34. S. 115–150.
136. Pósta B. *Archaeologische Studien auf russischen Boden*. Budapest, Leipzig: Victor Hornyánszky, Karl W. Hierzemann, 1905. 590 S.
137. Quast D. *Die Grabbeigaben – ein kommentiert Fundkatalog // Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655* / Hrsg. D. Quast. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015. S. 165–208.
138. R.-Alföldi M., Quast D. *Der spätantike Schatzfund von Mainz-Kastel. Fremde Krieger am Rhein*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2018. 280 S.
139. Seyrig H. *Antiquités syriennes*. 20. *Armes et costumes iraniens de Palmyre* // *Syria*. 1937. Vol. 18. P. 4–31.
140. Shoppa H. *En spätrömischer Schatzfund aus Wiesbaden-Kaste* // *Fundberichte aus Hessen*. 1962. T. 2. S. 158–167.
141. Sommer M. *Die Gürtel und Gürtelbeschlüge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 1984. 338 S.
142. Tejral J. *Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses* // *Die Langobarden. Herrschaft und Identität* / Hrsg. W. Pohl, P. Erhart. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 103–200.

143. Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno, 2011. 466 S.
144. Vogt M. Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen. Mainz: Verlag der Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2006. 312 S., 68 Taf.
145. Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschem Boden. Bd. III: Ostgermanen und Nordgermanen / Hrsg. H. Reinerth. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1940. S. 867–1489.
146. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 S.
147. Zaseckaja I. Cripie della necropoli tardo-antica del Bosforo (Cimmerio) (ultimo quatro del IV – prima metà del V secolo d. C.) // I Goti. Milano: Electa Lombardia, 1994. P. 114–129.
148. Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène und der römishjcen Kaiserzeit im freien Germanien. Oxford, 1989. 1064 S. (BAR International Series, 505).
149. Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 222–234.

REFERENCES

1. Abakarov A.I., Davudov O.M. *Arkheologicheskaja karta Dagestana* [Archaeological map of Dagestan]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 325 p.
2. Aibabin A.I. The Chronology of the Cemeteries in the Crimea in the Late Roman and Early Byzantine Periods. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tavria], 1990, vol. 1, pp. 3–86, 175–241.
3. Aibabin A.I., Khairidinova E.A. Early complexes of the cemetery near the village of Luchistoe in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tavria], 1998, vol. 6, pp. 274–311.
4. Ambroz A.K. *Khronologija drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv.* [Chronology of antiquities of the North Caucasus 5th–7th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 134 p.
5. Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V. *Nekropol' Tanaisa: Raskopki 1981–1995 gg.* [Necropolis of Tanais: Excavations 1981–1995]. Moscow, Paleograf Publ., 2001, 274 p.
6. Artamonov M.I. *Istoriia khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, State Hermitage Publ., 1962, 524 p.
7. Astaf'ev A.E., Bogdanov E.S. Ritual Constructions of the Hunnic Time in Mangyshlak. *Stratum plus*, 2018, no. 4, pp. 347–470.
8. Akhmedov I.R. New materials on the history of the prestigious bridle of Eastern Europe during the Hunnic and post-Hunnic times. A.G. Furas'ev (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoi i Dunaem* [Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube], St. Petersburg, 2009, pp. 152–166.
9. Akhmedov I.R. Metal decorative details of hard saddles of Eastern Europe during the Hunnic and post-Hunnic times. To the study of issues of origin and classification. D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evrasiia v skifo-sarmatskoe vremia. Pamiati Iriny Ivanovny Gushchinoi* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian time. In memory of Irina Ivanovna Gushchina]. Moscow, State Historical Museum Publ., 2012, pp. 19–48.
10. Akhmedov I.R. About one type of swords of the Ryazan-Oka Finns in the 6th century AD. I.O. Gavritukhin, A.M. Vorontsov (eds.), *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov. Konferentsiia 4. Chast' 2* [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples. Conference 4. Part 2], Tula, Museum-Reserve “Kulikovo Pole” Publ., 2019, pp. 23–71.
11. Akhmedov I.R., Birkina N.A. Helmets from the burial ground of the Ryazan-Oka Finns near the village Tsaritsyno (preliminary message). V.E. Rodinkova, O.S. Rumiantseva (eds.), *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur. K 60-letiiu A.M. Oblomskogo* [Europe from La Tène to the Middle Ages: the barbarian world and the birth of Slavic cultures. To the 60th anniversary of A.M. Oblomsky], Moscow, IA RAS Publ., 2017, pp. 235–248. (Early Slavic world. Vol. 19).
12. Bezuglov S.I. Late Sarmatian swords (based on materials from the Don region). Iu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their neighbors on the Don], Rostov-on-Don, Terra Publ., 2000, pp. 169–232. (Materials and research on the archeology of the Don. Vol. 1).
13. Blavatskii V.D. Report on excavations in Phanagoria in 1936–1937. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia* [Proceedings of the State Historical Museum], 1941, vol. 16, pp. 4–74.

14. Verner I. The Gold Bracelet of the Frankish King Childeric and German Late Roman Bracelets (with Ludwig Pauli's work attached hereto). *Stratum plus*, 2013, no. 4, pp. 315–348.
15. Starodubtsev G.Iu., Zorin A.V., Shpilev A.G. (eds.). *Volnikovskii "klad"*. *Kompleks snariazheniia konia i vsadnika 1-oi poloviny V v. n.e. Katalog koleksii* [Volnikovsky "treasure". Complex of equipment for horse and rider of the first half of the 5th century AD. Collection catalog]. Moscow, Golden-Bi Publ., 2014, 200 p.
16. Voloshinov A.A., Masiakin V.V. Suvlu-Kaya burial ground of the 3rd – first half of the 5th century in the South-Western Crimea: features of funeral rites and grave goods. A.V. Mastykova, E.A. Khairedinova (eds.), *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii* [The Roman period cemetery of Frontovoe 3: the barbarians on the borders of the Empire], Moscow, IA RAS Publ., 2022, pp. 146–173.
17. Voronov Iu.N. *Mogily apsilov. Itogi issledovaniia nekropolia Tsbiliuma v 1977–1986 godakh* [Graves of the Apsils. Results of research into the Cibilium necropolis in 1977–1986]. Pushchino, 2003, 348 p.
18. Voronov Iu.N., Shenkao N.K. Armament of warriors of Abkhazia 4th–7th centuries. A.K. Ambroz, I.F. Erdeli (eds.), *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov* [Antiquities of the Great Migration of Peoples of the 5th–8th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 121–165.
19. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M. The cache in a late classical vault in Phanagoria. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2019, vol. 257, pp. 174–181.
20. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M. Warrior Traditions in Elite Children Clothes from Late Antique Phanagoria. *Stratum plus*, 2023, no. 4, pp. 289–304.
21. Gabuev T.A. *Alanskie kniazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoi Osetii* [Alan princely mounds of the 5th century AD near the village of Brut in North Ossetia]. Vladikavkaz, Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania & State Museum of Oriental Art Publ., 2014, 184 p.
22. Gavritukhin I.O., Paromov Ia.M. Ilyichevskoye settlement and settlements around it. T.I. Makarova, S.A. Pletneva (rds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka* [Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 152–157.
23. Dashevskaja O.D. Burial of the Hunnic time in the Black Sea region of Crimea. L.A. Evtiukhova (ed.), *Drevnosti Vostochnoi Evropy* [Antiquities of Eastern Europe], Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 52–61.
24. Dmitriev A.V. Burials of horsemen and war horses in the burial ground of the era of migration of peoples on the river Durso near Novorossiysk. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1979, no. 4, pp. 212–229.
25. Dmitriev A.V. The Durso burial ground is a standard monument of antiquities of the 5th–9th centuries. T.I. Makarova, S.A. Pletneva (rds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka* [Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 200–206.
26. Dumberg K.E. Extract from a report on excavations of tombs in the city of Kerch and its environs. *Izvestiia Arkheologicheskoi komissii* [News of the Archaeological Commission], 1901, vol. 1, pp. 80–93.
27. Ermolin A.L. Blood-golden "cloisonne" style in Bosphorus jewelry (based on materials from the Djurg-Oba necropolis). V.Iu. Zubov (ed.), *Bosporskii fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira* [Bosphoran phenomenon. Art on the periphery of the ancient world], St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 70–77.
28. Ermolin A.L., Kazanskii M.M. Bladed weapons from grave 16 dating to the Migration Period at the Dzhurga-Oba cemetery in the Eastern Crimea. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2021, vol. 263, pp. 235–252.
29. Zasetskaia I.P. Bosphoran crypts of the Hunnic era as a chronological standard for dating monuments of the Eastern European steppes. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1979, vol. 158, pp. 5–17.
30. Zasetskaia I.P. Classification of polychrome items of the Hunnic era according to stylistic data. A.K. Ambroz, I.F. Erdeli (eds.), *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov* [Antiquities of the Great Migration of Peoples of the 5th–8th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 13–30.
31. Zasetskaia I.P. Materials from Bosphorus Necropolis of the Second Half of the 4th – the First Half of the 5th Centuries AD. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tavria], 1993, vol. 3, pp. 23–105.

32. Zasetkaia I.P. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV–V v.)* [Culture of nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (late 4th–5th century)]. St. Petersburg, El-lips Publ., 1994, 224 p.
33. Zasetkaia I.P., Kazanskii M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu* [Morskoi Chulek. Burials of Noble-men from the Azov Region and Their Place in the History of the Tribes of Northern Black Sea Region in the Post-Hun Epoch]. St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2007, 212 p.
34. Zeest I.B. Sindh expedition 1951. Diary. *Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences*, 1951, B Z1-582a.
35. Zin'ko E.A. Study of the Panticapaeum necropolis in 2001. V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriiskii, Pont i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia* [Cimmerian Bosphorus, Pontus and the barbarian world in Antiquity and the Middle Ages], Kerch, 2002, pp. 100–105.
36. Zubov S.E. Early broadswords of the Volga-Ural region. L.T. Iablonskii, A.T. Tairov (eds.), *Vooruzhenie sarmatov: Regional'naia tipologiiia i khronologiiia: doklady k VI mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkhologii i istorii»* [Armament of the Sarmatians: Regional typology and chronology: reports for the VI international conference “Problems of Sarmatian archeology and history”], Cheli-abinsk, Iuzhno-Ural'skii gos. un-t Publ., 2007, pp. 124–133.
37. Kazanski M.M. Graves of Alan-Sarmatian leaders of the 4th century AD in the Pontic steppes. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tavria], 1994, vol. 4, pp. 238–256.
38. Kazanski M.M. Goths in the Cimmerian Bosphorus. M.E. Levada (ed.), *100 let cherniakhovskoi kul'ture* [100 years of Chernyakhov culture], Kiev, 1999, pp. 277–297.
39. Kazanski M.M. Early Byzantine swords with inlaid guard. Zasetkaia I.P., Kazanski M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu* [Morskoi Chulek. Burials of Noble-men from the Azov Region and Their Place in the History of the Tribes of Northern Black Sea Region in the Post-Hun Epoch]. St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2007, pp. 122–141.
40. Kazanski M.M. “Leader’s” burials of the Hunnic period with swords. E.N. Nosov, S.V. Beletskii (ed.), *Kraeutol'nyi kamen'. Arkheologiiia, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran* [Cornerstone. Archeology, history, art, culture of Russia and neighboring countries], vol. I, Moscow, Lomonosov Publ., 2010, pp. 307–320.
41. Kazanski M.M. About the Origins of Scramasax. *Stratum plus*, 2012, no. 5, pp. 111–124.
42. Kazanski M.M. Gelon with Falx: About Staffarms of the Great Migrations Period. *Stratum plus*, 2014, no. 6, pp. 105–111.
43. Kazanski M.M. A Burial of the Migration Period in Concești: Inventory, Dating, Funeral Rites, Social Status and Ethno-Cultural Attribution. *Stratum plus*, 2014, no. 4, pp. 299–336.
44. Kazanski M.M. Find of 1918 in Kerch (Mesaksudi collection). V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko (eds.), *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia* [17th Bosphoran Readings. The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Researchers and research], Kerch, 2016, pp. 206–215.
45. Kazanski M.M. Warrior Burials of the Bosporan Aristocracy of the Post-Hunnic Period (second half of the 5th – first half of the 6th century). *Stratum plus*, 2018, no. 5, pp. 75–86.
46. Kazanski M.M. About two traditions of decorating bladed weapons from the era of the Great Migration of Peoples in the south of Eastern Europe. S.V. Beletskii (ed.), *Zemlia nasha velika i obil'na: sbornik statei, posviashchennyi 90-letiiu A.N. Kirpichnikova* [Our land is great and abundant: a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of A.N. Kirpichnikov], St. Petersburg, IIMK Publ., 2019, pp. 113–124.
47. Kazanski M.M. About helmets of the Cimmerian Bosphorus of the early Byzantine time: tradition or innovation. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2019, vol. 38, pp. 205–224.
48. Kazanski M.M. Elements of horse equipment of post-Hunnic Period in the North Caucasus and their variants on the outskirts of the steppe. *Istoriia, arkhologiiia i etnografiia Kavkaza* [History, archeology and ethnography of the Caucasus], 2020, vol. 16–2, pp. 353–375.
49. Kazanski M.M. Huns on Cimmerian Bosporu. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2021, vol. 42, pp. 108–131.

50. Kazanski M.M. Taman “ceremonial” sword of the Migration Period. V.N. Zin’ko, E.A. Zin’ko (eds.), *XXII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov’ia. Novye otkrytiia, novye proekty* [22nd Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov’ia. New discoveries, new projects], Simferopol, Kerch, 2021, pp. 153–160.
51. Kazanski M.M. Combat knife with eagle-headed handle from Cimmerian Bosporos. *Antichnaya drevnost’ i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2021, vol. 49, pp. 70–78.
52. Kazanski M.M. “Ceremonial” swords of the Great Migration Period on the Cimmerian Bosporus. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2022, vol. 44, pp. 177–201.
53. Kazanski M.M., Mastykova A.V. Equestrian equipment of the Great migration of nations period from Sösdala and its ponto-danube parallels. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2018, vol. 36, pp. 118–142.
54. Kazanski M.M., Mastykova A.V. Inlaid Buckles and Plates from the Great Migration Period Showing Relief Scroll Decorations: Byzantium and Barbaricum. *Antichnaya drevnost’ i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2022, vol. 50, pp. 83–95.
55. Kubarev G.V., Akhmedov I.R., Zhuravlev D.V. Catacomb grave with armoire from Hospital’naya street in Kerch (preliminary information). *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2003, vol. 3, pp. 204–221.
56. Kubarev G.V., Zhuravlev D.V. Armor from a catacomb burial from Hospital Street in the city of Kerch (from excavations in 1891 by Professor Yu.A. Kulakovskiy). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State University], 2012, vol. 11, no. 5, pp. 135–146.
57. Malashev V.Iu. Periodization of belt sets of the late Sarmatian period. Iu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their neighbors on the Don], Rostov-on-Don, Terra Publ., 2000, pp. 194–232. (Materials and research on the archeology of the Don. Vol. 1).
58. Matsulevich L.A. *Pogrebenie varvarkogo kniazia v Vostochnoi Evrope. Novye nakhodki v verkhov’e reki Sudzhi* [Burial of a barbarian prince in Eastern Europe. New finds in the upper reaches of the Sudzha River]. Moscow, Leningrad, 1934, 132 p.
59. Matsulevich L.A. Reconstruction of images on leather upholstery of shields of the 4th century AD. *Izvestiia na B’lgarskiiia Arkheologicheskiiia Institut* [News of the Bulgarian Archaeological Institute], 1950, vol. 16, pp. 1–6.
60. Medvedev A.P. Two late antique crypts of the Eastern necropolis of Phanagoria. A.G. Furas’ev (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhu Volgoi i Dunaem* [Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube], St. Petersburg, Fakul’tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, pp. 167–182.
61. Medvedev A.P. Late antique necropolis of Phanagoria (based on materials from excavations in 2005). *Vestnik Voronezhskogo gos. universiteta. Serii: istoriia, politologiia, sotsiologiia* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: history, political science, sociology], 2011, no. 1, pp. 32–45.
62. Nikolaeva E.A. Findings of weapons at the Ilyichevsky settlement. G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoi kul’tury* [Problems of ancient culture], Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 183–188.
63. *Otchet Imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo muzeia imeni imperatora Aleksandra III za XXV let* [Report of the Imperial Russian Historical Museum named after Emperor Alexander III for 25 years]. Moscow, Sinodal’naia tipografiia, 1916, 208 p.
64. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1891 g.* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1891]. St. Petersburg, 1893, 188 p.
65. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1900 g.* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1900]. St. Petersburg, 1902, 174 p.
66. Radiush O.A. Lamellar helmet from the era of migration of peoples from the Kursk region. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh’ia ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov’ia (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia A.I. Puzikovoi)* [Antiquities of the Dnieper Left Bank from the Stone Age to the late Middle Ages (to the 80th anniversary of the birth of A.I. Puzikova)], Kursk, Kursk Regional Museum of Archeology Publ., 2012, pp. 202–257.
67. Runich A.P. Burial of an early medieval leader from the Kislovodsk Basin. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1976, no. 3, pp. 256–266.
68. Savenko S.N. Another burial belonging to a representative of the Alanian social elite at the beginning of the Early Medieval period in the Kislovodsk depression (based on archive materials of A. P. Runich). *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2014, vol. 234, pp. 115–139.

69. Sokol'skii N.I. Bosphoran swords. M.M. Kobylina (ed.), *Materialy i issledovaniia po arkhologii Severnogo Prichernomor'ia* [Materials and research on the archeology of the Northern Black Sea region], Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954, pp. 123–196. (Materials and research on the archeology of the USSR. Vol. 33).
70. Sorokina N.P. About glass vessels with drops of blue glass from the Black Sea region. *Sovetskaia arkhologiya* [Soviet Archaeology], 1971, no. 4, pp. 85–101.
71. Stokov A.A. Belt Fittings of Hun Age from Asian Bosphorus. *Bosporskie issledovaniia* [Bosphoros Studies], 2009, vol. 21, pp. 303–319.
72. Stokov A.A. Warrior's shoes of the first half of the 5th century AD from Phanagoria. A.N. Voroshilov (ed.), *Vostochnoevropeiskie drevnosti* [Eastern European Antiquities], Voronezh, Nauchnaia kniga Publ., 2013, pp. 257–263.
73. Stokov A.A. Possibilities for reconstructing the social structure of the late antique Asian Bosphorus in the late antique era. A.V. Mastykova (ed.), *Sotsial'naiia stratifikatsiia naselenie Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ia: arkhologicheskie dannye* [Social stratification of the population of the Caucasus at the end of antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data], Moscow, IA RAS Publ., 2015, pp. 73–76.
74. Stokov A.A. Towards studying the social structure of the Asian Bosphorus in Late Antiquity. *Rosstiiskaia arkhologiya* [Russian Archaeology], 2018, no. 1, pp. 17–35.
75. Stokov A.A. A vault dated to the Migration Period from V.D. Blavatskiy's excavations in Phanagoria. *Kratkie soobshcheniia instituta arkhologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2018, vol. 251, pp. 204–217.
76. Trapsh M.M. *Trudy. Tom tretii. Kul'tura tsebel'dinskikh nekropolei* [Collected works. Volume three. Culture of Tsebelda necropolises]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1971, 312 p.
77. Trever K.V., Lukonin V.G. *Sasanidskoe serebro. Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Sasanian silver. Collection of the State Hermitage]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, 156 p.
78. Furas'ev A.G. Cloisonné Zoomorphic Mounts of the Early 5th Century from Kerch: Function and Meaning. *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin] 2019, vol. 18, no. 2, pp. 181–196.
79. Furas'ev A.G., Shablavina E.A. *Kontseshti. Kniazheskoe pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniia narodov* [Concesti. A Princely grave from the Great Migration Period]. St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2019, 244 p.
80. Sharov O.V. *Bosporskoe tsarstvo i varvarskii mir Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v pozdnerimskuiu epokhu (seredina II – seredina IV v. n.e.)* [The Bosphoran kingdom and the barbarian world of Central and Eastern Europe in the late Roman era (mid 2nd – mid 4th century AD)]. Moscow, IA RAS Publ., 2022, 304 p.
81. Shkorpil V.V. Report on work in Kerch and its environs in 1902. *Izvestiia Arkheologicheskoi komissii* [News of the Archaeological Commission], 1904, vol. 9, pp. 73–177.
82. Shkorpil V.V. Report on work in Kerch in 1904. *Izvestiia Arkheologicheskoi komissii* [News of the Archaeological Commission], 1907, vol. 25, pp. 1–66.
83. Shkorpil V.V. Report on work in Kerch in 1905. *Izvestiia Arkheologicheskoi komissii* [News of the Archaeological Commission], 1909, vol. 30, pp. 1–50.
84. Shtern E. On the origin of the “Gothic style” of jewelry objects. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1897, vol. 20, pp. 1–15.
85. Menghin W. (ed.). *Epokha merovingov – Evropa bez granits. Arkhologiya i istoriia V–VIII vv.* [The Merovingian period – Europe without borders. Archeology and history of the 5th–8th centuries: Katalog]. Berlin, Minerva, 2007, 592 p.
86. Adams N. The Development of Early Inlaid Ornaments. C. Bálint (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert*, Budapest, Napoli, Roma, Archäologisches Institut der UAW, 2000, pp. 13–70.
87. Akhmedov I. Cheek-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migrations period. J. Tejral (Hrsg.), *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaauraum*, Brno, Archeologický ústav ČR Brno, 2002, pp. 11–30.
88. Alföldi A. *Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, 1932, 90 p.

89. Ament H. Das Childerichgrab in der archäologischen Forschung. D. Quast (Hrsg.), *Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655*, Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015, S. 123–155.
90. Andrási J. *The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material*. London, The Trustees of the British Museum, 2008, 174 p.
91. Anke B. *Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts*. Weissbach, Beier & Beran, 1998, Teil 1, 224 S.; Teil 2, 156 S.
92. Arendt W. Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch. *Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde*, 1932, Bd. 13 (Neue Folge, Bd. 4), S. 49–55.
93. Arrhenius B. *Merovingian Garnet Jewellery*. Stockholm, Almqvist & Wiksell International, 1985, 230 p.
94. Azkarate A. *La necrópolis tardoantigua de Aldaieta (Nanclares de Gamboa, Álava). Vol. I. Memoria de la excavación e inventario de los hallazgos*. Vitoria-Gastei, Diputación Foral de Álava, 1999, 540 p. (Memorias de yacimientos alaveses, nº 6).
95. De Baye J. La bijouterie des Goths en Russie. *Mémoire de la Société nationale des antiquaires de France*, 1890, vol. 51, pp. 359–382.
96. Ben Abed A. Présence vandale dans le pays de Carthage. J.-J. Aillagon (dir.), *Rome et les Barbares. La naissance d'un nouveau monde*, Venise, Skira, 2008, pp. 331–333.
97. Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters. J. Kmiecinski (ed.), *Peregrinatio Gothica*, Łódź, Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1989, pp. 39–106. (Archaeologia Baltica. T. VIII).
98. Bierbrauer V. *Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich*. München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 2008, 132 S.
99. Bishop M.C., Coulston C.N. *Roman Military Equipment from the Punic War to the fall of Rome*. London, B.T. Batsford Ltd., 1993, 256 p.
100. Bóna I. *Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe–Ve siècles)*. Paris, Errance, 2002, 240 p.
101. Damm I.G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzermeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 1988, Bd. 21, S. 65–210.
102. Eger C. et alii. *Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit*. Köln, München, Römisch-Germanischen Museums der Stadt Köln, Hirmer Verlag, 2017, 272 S.
103. Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosphorus. V. Ivanišević, M. Kazanski (dir.), *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration*, Paris, ACHByz, 2012, pp. 340–348.
104. Fremersdorf F. *Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt des Römisch-Germanischen Museums Köln*. Köln, Römisch-Germanisches Museum, 1953, 118 S.
105. Fröhner W. *Collection du château de Goluchów. L'orfèvrerie*. Paris, Imprimerie alsaysienne Angl G. Fischbach, 1897, 132 p., 22 pl.
106. Menghin W., Springer T., Wamers E. (Hrsg.). *Germanen, Hunnen, Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. München, Germanisches Nationalmuseum, 1987, 636 S.
107. Girshman R. *Parthes et Sassanides*. Paris, Gallimard, 1962, 422 p.
108. Glad D. *Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe–VIIIe s.)*. Oxford, 2009, 164 p. (BAR International Series, S1921).
109. Godlowski K. Das "Fürstengrab" des 5. Jhs. und der "Fürstensitz" in Jakuszowice in Südpolen. F. Vallet, M. Kazanski (dir.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne, 1995, pp. 155–180.
110. Grabar A. *L'âge d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam*. Paris, Gallimard, 1966, 416 p.
111. Hagberg E. *The Archaeology of Skedemosse II. The votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement on Öland, Sweden*. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1967, 152 p.
112. Harhoiu R. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest, Editura Enciclopedică, 1998, 268 S.
113. Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement „orientaux" en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.). *Journal of Roman Archaeology*, 1991, no. 4, pp. 123–139.
114. Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion. C. von Carnap-Bornheim (Hrsg.), *Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lubin, Marburg, Vorgesellschaftliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 1994, S. 429–485

115. Kazanski M. Les tombes „princières” de l’horizon Untersiebenbrunn, le problème de l’identification ethnique. *L’identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d’archéologie et d’histoire d’Antibes*, Sophia Antipolis, APDCA, 1996, pp. 109–126.
116. Kazanski M. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: for the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar (eds.), *Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period*, Kristiansand, Simferopol, Dolya Publ., 2011, pp. 91–101.
117. Kazanski M. Les mors de cheval à décor zoomorphe de l’époque des Grandes Migrations. S. Desbrosse-Debobertière, M.-C. Truc (dir.), *Cherchez la petite bête. L’animal au haut Moyen Âge. Actes des XXXVIIe Journées internationales d’archéologie mérovingienne*, Saint-Germain-en-Laye, Association française d’archéologie mérovingienne, Musée d’Archéologie nationale, 2019, pp. 63–73.
118. Kazanski M., Akhmedov I. La tombe de Mundosheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome. J. Tejral (Hrsg.), *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätumbildung in der Völkerwanderungszeit*, Brno, Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tcherchischen Republik Brno, 2007, pp. 173–197.
119. Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare. *Eurasia Antiqua*, 1999, vol. 5, pp. 523–573.
120. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d’Occident au début de l’époque mérovingienne. J. Tejral (Hrsg.), *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaauraum*, Brno, Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002, pp. 159–194.
121. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l’origine des parures du style cloisonné. *Antiquités Nationales*, 1996. vol. 28, pp. 203–209.
122. Killerich B., Torp H. Hic est: hic Stilicho. The Date and Interpretation of a Notable Diptych. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1989, Bd. 104, S. 319–371.
123. Kubik A.L. Sasanian lamellar helmets. K. Makzimum, G. Karamian (eds.), *Crowns, hats, turbans and helmets. The headgear in Iranian history*, Siedlce, Tehran, Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, 2017, pp. 195–210.
124. Loskotova Z. An early 5th century skeleton grave with gold neck-ring from Charváty (Moravia). V. Ivanišević, M. Kazanski (dir.), *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration*, Paris, Belgrade, Association des amis du Centre d’histoire et civilisation de Byzance, 2012, pp. 189–206.
125. Mac Gregor A. *Ashmolean Museum Oxford. A Summary Catalogue of the Continental Archaeological Collections (Roman Iron Age, Migration Period, Early Medieval)*. Oxford, 1997, 288 p. (BAR International Series, 674).
126. Madyda-Legutko R. *Studia nad źródnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków, Uniwersytet Jagelloński, Instytut Archeologii, 2011, 312 p.
127. Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 1995, Bd. 26/27, S. 140–192.
128. Miks C. *Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit*. Bd. 1: Text; Bd. 2: Katalog und Tafeln. Rahden, Verlag Marie Leidorf, 2007, 937 S.
129. Mráv Z. Maniakion – the Golden Torc in Late Roman Army and Early Byzantine Army. T. Vida (ed.), *Romania Gothica II. The Frontier Word. Romans, Barbarians and Military Culture*, Budapest, Martin Opitz Kiadó, 2015, pp. 287–304.
130. *L’Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001*. Paris, Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2000, 223 p.
131. Overlaet B.J. Swords of the Sassanians, notes on scabbard tips. L. Meyer, E. Haerincx (eds.), *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe*, Gent, Peeters, 1989, p. 741–755.
132. Overlaet B.J. Organisation militaire et armement. B.J. Overlaet (coord.), *Splendeur des Sassanides. L’empire perse entre Rome et Chine (244–642)*, Bruxelles, Musées royaux d’Aert et d’Histoire, 1993, pp. 89–94.
133. Palma Santos A.I. La tombe wisigothique de Santa Clara à Beja (Portugal). J.-J. Aillagon (dir.), *Rome et les Barbares. La naissance d’un nouveau monde*, Venise, Skira, 2008, pp. 364–365.
134. Possenti E. Una tomba di cavaliere della metà del V secolo da Arzignano. *Archeologia Medievale*, 2011, vol. 38, pp. 431–457.

135. Post P. Der kupferne Spangenhelm. *Bericht der Römische-Germanischen Kommission*, 1951–1953, Bd. 34, S. 115–150.
136. Pósta B. *Archaeologische Studien auf russischen Boden*. Budapest, Leipzig, Victor Hornyánszky, Karl W. Hierzemann, 1905, 590 S.
137. Quast D. Die Grabbeigaben – ein kommentiert Fundkatalog. D. Quast (Hrsg.), *Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015, S. 165–208.
138. R.-Alföldi M., Quast D. *Der spätantike Schatzfund von Mainz-Kastel. Fremde Krieger am Rhein*. Bonn, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2018, 280 S.
139. Seyrig H. Antiquités syriennes. 20. Armes et costumes iraniens de Palmyre. *Syria*, 1937, vol. 18, pp. 4–31.
140. Shoppa H. En spätrömischer Schatzfund aus Wiesbaden-Kaste. *Fundberichte aus Hessen*, 1962, Bd. 2, S. 158–167.
141. Sommer M. *Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich*. Bonn, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 1984, 338 S.
142. Tejral J. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses. W. Pohl, P. Erhart (Hrsg.), *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005, S. 103–200.
143. Tejral J. *Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung*. Brno, Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno, 2011, 466 S.
144. Vogt M. *Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen*. Mainz, Verlag der Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2006, 312 S., 68 Taf.
145. Reinerth H. (Hrsg.). *Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschem Boden. Bd. III: Ostgermanen und Nordgermanen*. Leipzig, Bibliographisches Institut, 1940, S. 867–1489.
146. Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956, 138 S.
147. Zaseckaja I. Cripte della necropoli tardo-antica del Bosforo (Cimmerio) (ultimo quarto del IV – prima metà del V secolo d. C.). *I Goti*, Milano, Electa Lombardia, 1994, pp. 114–129.
148. Zieling N. *Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien*. Oxford, 1989, 1064 S. (BAR International Series, 505).
149. Minaeva T.M. Excavations of a sanctuary and burial ground near the settlement of Gilyach in 1965. A.K. Ambroz, I.F. Erdeli (eds.), *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov* [Antiquities of the Great Migration of Peoples of the 5th–8th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 222–234.

Сведения об авторах

Казанский М. М. – habilitированный доктор (docteur habilité), ведущий научный сотрудник исследовательской лаборатории 8167 «Восток и Средиземноморье» Национального центра научных исследований (CNRS); руководитель лаборатории «Византийский Крым» Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ResearcherID: N-9288-2015.

Мастыкова А. В. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН; научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ResearcherID: S-8730-2016.

Authors information

Kazanski M. – Dr. Hab. (Archaeology), Leading Researcher at the UMR-8167 “Orient et Méditerranée” of the National Centre for Scientific Research (CNRS); Director at the Byzantine Crimea Laboratory of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ResearcherID: N-9288-2015

Mastykova A. V. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the Department of Archaeological Heritage Preservation of the Institute of Archaeology of RAS; Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ResearcherID: S-8730-2016.